

Искорка 8

1978

№ 8

Искорка

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинский
звезда»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

АВГУСТ • 1978

год издания XIII

Василий ФЕТИСОВ

У костра

Солнце на землю скатилось,
полежало на боку
и, наверное, разбилось —
зорькой вытекло в реку.

И когда раскинул вечер
синий бархатный шатёр,
мы на горке возле речки
развели большой костёр.

Нам стихи читал поэт.
(Десяти примерно лет.)
Прыгал клоун-акробат.
(Тоже кто-то из ребят.)

Поиграли в викторину.
(Отгадали половину.)

Сказки все пересказали.
Пляски все переплясали.
И костра весёлый жар
теплотой на нас дышал.

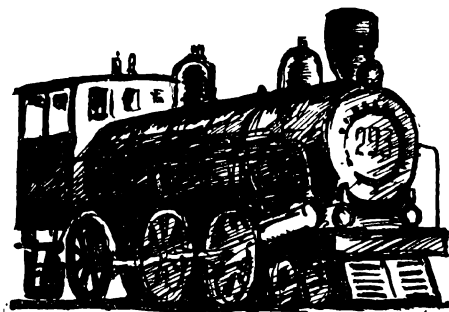
А когда уже сидели
у потухшего костра,
перепёлки нам пропели:

- Спать пора!
- Спать пора!
- Спать пора!

Рис. К. Дмитрикова

Василий ОСТРОВСКИЙ

КАК ПАРОВОЗ

В 1976 году ленинградское объединение «Пролетарский завод» отмечало своё 150-летие. К юбилею завод выпустил красочный буклет. Среди многих дат и событий, отмеченных в нём, есть две такие записи: «1845. Построен первый русский магистральный паровоз» и «1851. Закончено строительство 185 паровозов для Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги. В результате она была полностью обеспечена паровозами отечественной постройки».

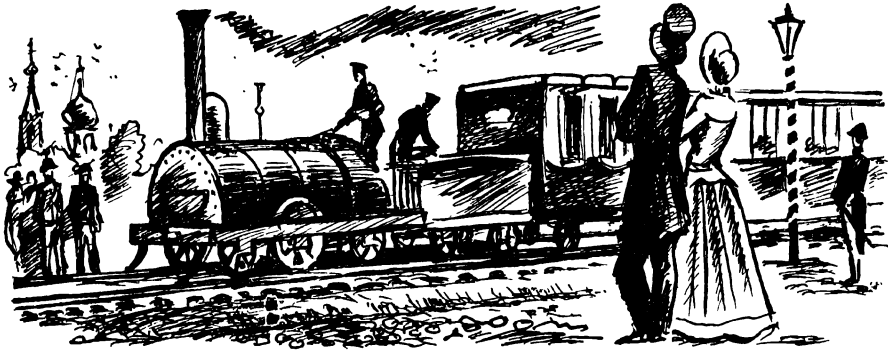
Модель первого паровоза и сейчас стоит на пьедестале во дворе бывшего Александровского, нынешнего Пролетарского, завода. Не велик он — наш первый русский паровичок. Трудно на нём было работать. У машиниста даже будки не было!.. Стоял он на открытой площадке, крутил рычаги, а из трубы сыпались на него искры, окутывал дым, перемешанный то со снегом, то с дождём. Но паровозик весело бежал, развивая скорость до 15 километров в час, и тащил за собой 22 вагона.

С удивлением смотрели на «огненного коня» люди. Потихоньку привыкали к тому, что среди множества дорог российских теперь появилась новая — железная дорога. Не могли не признать, что дорога-то хороша! По старым на дилижансе из Петербурга в Москву лишь на четвёртые сутки добирались!.. По пути сколько раз в грязи увязали, перед каждым мостом от страха тряслись: ну как брёвна разъедутся!.. А тут — рельсы металлические, насыпь прочная!

Рельсы были старше паровоза. Появились они значительно раньше и поначалу тоже вызывали удивление.

В 1816 году русскому царю Александру I механик Иосиф фон Баадер показал в немецком городе Мюнхене модель чугунной дороги. Маленькая собачка на шёлковой ленточке везла по узеньким рельсам платформу с тяжёлым грузом. Русский царь умилялся, улыбался, погладил собачку и восторженно заметил своему «коллеге» — австрийскому императору Францу-Иосифу: «Удивительно, совершенно непостижимо!»

И не знал русский царь, что в его стране вот уже более шести лет на Урале, в Кольванском горном округе, существует такая же

Рисунки В. Адаева

СТАЛ ПАМЯТНИКОМ

«чугунка». Только не собачка с шёлковой ленточкой шествует там по шпалам, а работяга-лошадь возит из Змеиногорского рудника на завод полторы тысячи пудов сразу.

Рельсы в России уже были, а паровозу срок ещё не пришёл. Но спустя десяток лет в Петербурге появился некто Фриц-Отто фон Герстнер.

Фон Герстнер искал удачи. Человек образованный, деловой, энергичный, он считал, что успех непременно должен к нему прийти. Прикатиться по железнодорожным рельсам. Рано или поздно. Герстнер уже исколесил Англию, Францию, Бельгию, Швейцарию — удача пока не приходила... Он уже пытался строить железную дорогу на границе Австрии и Чехии — закончить начатое ему не дали. Но Россия!.. С её бескрайними просторами!.. Она просто не может жить без таких дорог! В этом Герстнер был твёрдо уверен. За тем и прикатил в Петербург.

Друзья у него в России уже были. Врагов оказалось тоже предостаточно: все промышленники, ведавшие извозом на лошадях, сотни помещиков, боявшихся, что паровоз переполошит их коров и сожжёт посевы; наконец, против него был министр финансов Канкрин и генерал Толь, возглавлявший ведомство путей сообщения. Только бы пробраться к царю! Убедить его, уговорить, соблазнить!

Пробрался. И убедил. Привёл неопровержимый довод в пользу железной дороги: если вдруг где-нибудь в стране вспыхнут противоправительственные волнения — паровоз мгновенно доставит туда войска! Для начала решено было проложить коротенькую «придворную» дорогу: из Петербурга — в Царское Село (ныне город Пушкин). Строить двадцать пять вёрст дороги согнали 2500 крепостных и 1400 солдат. Из Англии в разобранном виде привезли паровозы. Десять англичан и двое бельгийцев собрали их. Каждый паровоз получил своё имя: «Богатырь», «Слон», «Лев», «Орёл», «Проворный», «Стрела».

30 октября 1837 года первая в России железная дорога была открыта. Если вы сегодня заглянете на Витебский вокзал в Ленин-

граде — первый крупный вокзал нашей страны, — то в зале на втором этаже можете увидеть картину. Изображено на ней открытие этой первой Царскосельской железной дороги.

Впереди, гордо взметнув к небу чёрную трубу, катит трёхосный паровоз. Один из механиков что-то регулирует в нём на ходу. Позади паровозного котла стоит машинист (в первой поездке им был сам Герстнер). Далее следует вагон, весьма похожий на дилижанс. Ещё дальше — на открытой платформе стоит карета (в ней ехал царь). За платформой — ещё вагон-дилижанс, на платформах стоят конные экипажи.

По случаю торжества простому люду раздавались дешёвые плашки с рисунком поезда. Такие же рисунки появились на коробках с конфетами, на конвертах, на листах писчей бумаги. Редактор журнала «Северная пчела» Фаддей Булгарин бойко провозглашал: «Ныне между Петербургом и Царским Селом нет более расстояния. Царскосельские сады и парки находятся теперь от Невского проспекта не далее Летнего сада и Английской набережной. В Петербурге никто не боится железных дорог».

Покрывил душой Фаддей Булгарин, покрывил: поездов побавались. Ну как переедет кого! Чтобы не случилось такого, в помощь паровозному гудку впереди дымовой трубы пристроили орган. Кто-нибудь из кондукторов поезда всё время крутил его ручку, и поезд шёл словно в облаке музыкальных пьес. Если к этому добавить ещё, что другие кондукторы гудели в трубы и гремели в барабаны, — «музыкальное оформление» первых поездов будет окончательно полным.

Пассажиры впервые встретились с железнодорожными билетами. Вначале это были даже и не билеты, а жестяные кружочки. (За что и прозваны были «жестянками».) По прибытии в пункт назначения «жестянки» сдавались кондукторам и поступали обратно в кассу. «Огненные кони» набирали скорость. О первых паровозах писали, захлёбываясь от восторга: «Они ходили при восемнадцати градусах мороза, в бурю, дождь и ужасную метель, и кроме пассажиров перевозимы были лошади, овцы, свиньи, строевой, дровяной лес и разные экипажи...»

А вот от Фрица-Отто фон Герстнера удача — увы! — снова отвернулась. В головокружении от успехов он поспешил объявить о строительстве новой железной дороги Петербург — Ораниенбаум, и царь рассердился: «Как он смел заявить о сём, не получив на то моего монаршего позволения!» Генерал-губернатор Москвы граф Толстой запретил Герстнеру производить съёмку местности под стенами белокаменной. Рассердившись, Герстнер укатил искать удачу в Америку. (Где, к слову сказать, так и не нашёл её.)

Но дорога, проложив свои первые железные вёрсты, настойчиво требовала продолжения, стремилась завоевать новые просторы. В ту пору в Петербурге проживал некий генерал Клейнмихель. Когда в 1837 году огонь чуть не дотла спалил Зимний дворец, Клейнмихель быстренько дворец восстановил, на скорую руку отделал. Царь от его работы был в восторге. Но вот на железную дорогу Клейнмихель и смотреть не хотел. За пять лет ни разу на ней не побывал. В Царское Село на лошадках ездил.

И тут вдруг вызывает его царь и ставит во главе строительства новой железной дороги — на Москву! Пришлось-таки Клейнмихелю на вокзал ехать. Смотреть. Сия экскурсия больших результатов не дала: генерал по-прежнему в технике разбирался не больше, чем в далёких звёздах. Приехавший вскоре в Петербург американский ин-

женер Уистлер высчитал, что для дороги потребуется 180 тендеров. Что такое «тендер», Клейнмихель представлял смутно. Спросил своего заместителя Кроля — такого же «специалиста».

— Сие есть небольшая паровая машина, — неуверенно пролепетал тот.

— Врёшь! — рассердился Клейнмихель. — Тендер — это судно морское! И всё это выдумки канальи-американца на случай, если паровоз свалится в воду. Но я таких беспорядков не потерплю! Никакие тендеры нам не нужны!

Не знал и не ведал строитель дороги, что в тендерах-то паровозное топливо возят...

В другой раз приехал он в Москву и обнаружил, что стрелки его часов чуть-чуть не совпадают с московскими. Устроил разнос какому-то инженеру. Тот оправдываться, объяснять стал: дескать, часы в Москве разнятся с петербургским временем на полчаса, так как поставлены по местному меридиану.

— Врёшь! — закричал опять Клейнмихель. — Я по России тысячи вёрст исколесил и нигде никаких меридианов не видел. Этак что же, каждый паршивенький городишко будет свой собственный меридиан иметь? Много чести! Не бывать этому!

Хорошо ещё, что были у Клейнмихеля толковые инженеры: Мельников, Крафт, инженер-майор Бутац. На строительство новой железной дороги было нанято тридцать пять тысяч мужиков. Весною 1843 года, ещё и снег не стаял, потянулись к будущей нитке её строители. Скрипели телеги. Кричали, помахивая плетью, приказчики. А вокруг темнели леса, лежали непроходимые болота.

От Петербурга и от Москвы, навстречу друг другу, прорубались две просеки. Рыли каналы для осушения болот, возили землю для насыпи. Каждый работник за день должен был выкопать по 666 пудов земли. Хорошо, если глина или песок попадались, а то ведь в болоте приходилось по пояс стоять, подрубая коряги, выворачивая их или доставая торфяник.

Между Вышним Волочком и Тверью откопали клыки мамонта, кости носорога. Около Сеченки нашли в земле целый дуб с желудями на ветках. Зато и дорога немало костей, немало людей под насыпь свою положила. Помните в стихах у Н. А. Некрасова:

Прямо дороженька: насыпи узкие,

Столбики, рельсы, мосты.

А по бокам-то всё косточки русские...

Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

В стихах поэт именно об этой дороге писал.

18 августа 1851 года в 4 часа утра из Петербурга по новой дороге вышел первый поезд. Императорский. Если вам интересно узнать, как император проделал путь до Москвы,—сходите на Исаакиевскую площадь, присмотритесь к памятнику Николаю I. Пьедестал памятника украшают горельефы (своеобразные картины из металла с выпуклыми изображениями на плоском фоне). Над одним из этих горельефов выбита цифра: «1851». На самой же картине изображена следующая сцена: возле железнодорожного моста среди своей свиты стоит Николай I, а вверху по мосту идёт поезд.

Горельеф изображает действительный эпизод: проход императорского поезда по Веребьевскому мосту. Перед мостом машинист включил тормоз, состав остановился, царь вышел из вагона, спустился по насыпи, махнул платочком — и поезд поехал на мост. Так повторялось перед каждым мостом по всей дороге до самой матушки-Москвы. Ни через один из 184 мостов император всероссийский не перешёл — все пешком перешёл.

С остановкой же у моста через речку Веребье произошёл некоторый казус. Спустившись с насыпи, царь махнул белым платочком, паровоз ответил облаком белого пара и... не тронулся с места. Побуксовал, побуксовал и застыл. Что за напасть? А всё дело оказалось в том, что местный дорожный мастер, желая выслужиться перед царём, покрасил рельсы свежей масляной краской. Паровоз и забуксовал на ней! Пришлось целой роте солдат и жандармам срочно посыпать рельсы песком.

Но так или иначе, а железная дорога была построена. Самая прямая дорога в мире. 1 ноября 1851 года по ней открылось регулярное пассажирское движение. Поезд, состоящий из паровоза серии «В», двух мягких, трёх жестких и одного багажного вагона, захватив 192 пассажира, отправился из Петербурга и спустя 21 час 45 минут прибыл в Москву.

В те годы эта 656-километровая магистраль была самой протяжённой в мире двухпутной железной дорогой.

В городе же появилось новое здание: построенный по проекту архитектора К. А. Тона Николаевский (ныне Московский) вокзал. Знаете, кто был первым начальником этого вокзала? Н. И. Миклухо-Маклай — отец знаменитого путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая. Новой железной дороге сразу же потребовалось много паровозов и вагонов. Тогда-то, в 1845 году, и началось их строительство на чугунолитейном Александровском заводе.

В первые годы дорога обслуживалась солдатами и офицерами специальных железнодорожных войск. Да и жандармов заставили нести «железнодорожную службу»: они охраняли почтовые поезда, сопровождая их верхом на лошадях. Едет по рельсам почтовый поезд, а сбоку по бровке насыпи конные жандармы скачут. Проскачут два-три километра, их другие сменяют. Вдоль всей дороги стояли тогда жандармские посты.

Машинисты, их помощники, кондукторы имели специальную форму: китель с блестящими пуговицами, каска с гербом и медным ободком на козырьке. Стать машинистом было очень трудно: на это требовалось специальное разрешение главного управляющего всеми путями сообщения!

Но вернёмся к юбилейному буклету объединения «Пролетарский завод». Слово «паровоз» там встречается часто: «1893. На заводе построен новый паровоз серий «Н», который мог водить поезда со скоростью 80 км/час», «1928. Выпущено из ремонта 150 паровозов». «1933. Завод приступил к ремонту сверхмощных отечествен-

ных паровозов ФД и ИС», «1961. Выпущены первые магистральные тепловозы». Стоп! Пришла нам пора прощаться с паровозом. На стальных магистралях принял у него эстафету младший брат — тепловоз. Встали на стальную колею электровозы...

Отслужили своё паровозы. Честно отслужили. И вполне заслуженно во дворе Пролетарского завода стоит памятник первому «огненному коню». Есть и другой памятник паровозу в нашем городе: на Финляндском вокзале. В огромном стеклянном футляре стоит там локомотив с номером 293. Очень и очень дорог нам этот паровоз. Немалую службу сослужил он стране и революции.

В 1900 году был он куплен администрацией Финляндской казённой железной дороги на заводе Болдвина в американском городе Ричмонде. Приплыл паровоз на пароходе, встал на рельсы и начал возить пассажиров из Петербурга в Финляндию и обратно. Бегал и бегал. Наступил тревожный июль 1917 года. Временное правительство показало своё лицо, расстреляв мирную демонстрацию рабочих, разгромив типографию газеты «Правда». В. И. Ленин был вынужден уйти в подполье, скрываться в шалаше возле Разлива. Но и там было небезопасно: всюду шныряли ищейки «временных». В начале августа Центральный Комитет нашей партии принял решение переправить вождя революции в соседнюю Финляндию.

Выполнить это сложное задание должны были два проверенных большевика: Александр Шотман и Эйно Рахья. Оба они были финнами, оба имели документы на право перехода границы. Может быть, и Ленина можно перевести через рубеж в каком-нибудь укромном месте? Пошли в разведку. Перешли границу раз, другой... И каждый раз натыкались на стражу! Каждый раз тщательно проверяли их документы, внимательно разглядывали фотографии... Нет, очень опасно вести Ильича таким путём.

И тогда Эйно Рахья предложил переправить Ленина в Финляндию на паровозе. Был у него на этот случай и хороший знакомый машинист: Гуго Эрикович Ялава. Он и раньше охотно помогал большевикам: перевозил тюки с партийной литературой, типографский шрифт, переправил однажды и большевика И. И. Скворцова-Степанова. На квартире Ялавы, в доме № 4 б по Ломанскому переулку (ныне улица комиссара Смирнова) все трое разработали план.

«Условились, — вспоминал потом Гуго Ялава, — о дне и времени... У меня был по наряду поезд № 71, отправлявшийся из Петрограда... до станции Райвола. На этом поезде и решили увезти Ленина. Ильич должен взойти на паровоз на станции Удельная с переезда в конце платформы... На паровозе же я не так боялся проверки... ведь без разрешения машиниста чужой на паровоз не придёт, не имея соответствующего разрешения начальства дороги. Но на всякий случай я решил, что по прибытии на станцию Белоостров, я сейчас же велю отцепить паровоз и поеду за водой к водокачке, где и задержусь до второго звонка, к третьему приеду, прицепимся, и айда дальше. Эйно Рахья должен быть в поезде, в первом вагоне от паровоза и близко к первой площадке, даже лучше, если всё время на площадке. Он будет вооружён револьвером, как и Ильич на паровозе...»

Над платформой станции Белоостров колокол пробил третий раз. Тут же от водокачки к составу подошёл паровоз, прицепил к себе вагоны и поехал. До границы оставалось только мост через реку Сестру переехать. Два месяца жил Ленин в Финляндии. А 7 (20) октября 1917 года вернулся с тем же Гуго Ялавой. Приближался день восстания. Ильич нужен был в Петрограде.

А паровоз № 293 продолжал свою нелёгкую железнодорожную службу. В 1918 году случилась с ним беда: маневровый состав крепко ударил его, и покалеченный локомотив оказался на «паровозном кладбище» товарной станции Финляндского вокзала. Долго он скучал там, ржавея под дождями и снегами. И всё-таки № 293 вернулся в строй!

1 мая 1920 года проводился Всесоюзный субботник. Стали железнодорожники прикидывать: чем отметить праздник, что бы такое сделать? Был тогда среди них молодой машинист Вольдемар Виролайнен, хороший знакомый Гуго Ялавы. Знал он о кое-каких поездках Ялавы, знал и о судьбе его паровоза. Его-то и предложил восстановить в первую очередь! Предложение Виролайнена всем понравилось, и вскоре старый паровозик снова застучал колёсами по стальным рельсам.

В 1924 году по договору с соседней страной имущество Финляндской казённой железной дороги было передано Финляндской республике. Уехал через границу и паровоз № 293. Долгие годы ничего о нём не знали.

А вскоре после окончания Великой Отечественной войны в Финляндию приехала делегация Верховного Совета СССР. Был среди делегатов и начальник Кировской железной дороги Вольдемар Виролайнен. Стал он расспрашивать у финнов: не знают ли они о судьбе паровоза № 293? Жив ли он? Где он? Оказалось — жив! Работает! Возит пригородные поезда на станции Тампере.

Если вы теперь придёте на Финляндский вокзал, то рядом с паровозом-ветераном увидите латунную доску с надписью на русском и финском языках: «13.6.57. Правительство Финляндии подарило этот паровоз Правительству Союза Советских Социалистических Республик в память тех поездок, которые В. И. Ленин совершил в трудное время по территории Финляндии».

Владимир Ильич Ленин всегда помнил об этом паровозике. Случилось так, что на Первомайском субботнике в Москве железнодорожники тоже восстановили один старый паровоз. Не сразу даже восстановили, много потратили на ремонт выходных дней. А когда паровоз был полностью отремонтирован и испытан, на общем собрании железнодорожники приняли постановление: «Отремонтированный «у-127» в качестве Первомайского рабочего подарка преподнести Советской власти и избрать почётным машинистом локомотива — Владимира Ильича Ленина».

Трое железнодорожников понесли удостоверение почётного машиниста в Кремль. Встретил их Ильич, взял удостоверение, прочёл, улыбнулся и говорит:

— Это очень хорошо! Знаете, я ведь уже ездил на паровозе — кочегаром. Теперь, значит, вышло мне повышение.

РОДЬКА лихорадочно думал. Он был в смятении. Он чувствовал, что Кубик загнал его в угол. Ни за что на свете Родька не хотел, чтобы новые друзья, весь класс, Таир с Володькой узнали о том, что он бывший вор.

— Ладно, Кубик, я тебе помогу. Но поклянись, что ты сразу же уберёшься отсюда.

— Виталик, кореш! Век свободы не видать!

И снова началась для Родьки постылая двойная жизнь. Когда после той истории с джинсовым костюмом он узнал, что Кубик не ушёл, а костюм продал, то понял, что

влип окончательно, попался на крючок. Кубик теперь выглядел вполне прилично. На десятку он купил себе трикотажный спортивный костюм, кеды — ну просто прелесть: турист, который обожает горы. И с каждым днём Кубик нагнул всё больше. Вот тогда-то Родька и попросил маму поехать в Баку, удалить гланды. У него частенько болело горло, не раз ему предлагали операцию, но он отказывался. Теперь решился. Он надеялся, что за дни его отсутствия голод прогонит Кубика из его убежища. И он, Родька, избавится наконец от постылой и стыдной зависимости. Избавится от страха. Не вышло. Кубику здесь нравилось.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4.

РОДЬКА шёл всё медленнее. Наконец остановился. «А ведь дальше будет всё хуже. Ведь он уверен, что прижал меня к стенке. Да так оно и есть,— думал Родька,— но ведь это Кубик. Он только тогда страшный, когда его боятся. Он ведь сам сейчас трясётся, как овечий хвост. Нет, надо кончать!»

Родька повернулся и побежал в гору. Он не видел ни голубого грабового леса, ни кустов орешника, он даже тропинку потерял, он шёл напролом. Шёл, бежал, задыхался, снова шёл. Ветки хлестали по лицу, какой-то сухой сук стреском разорвал рубаху. И когда Родька выскочил на поляну перед пещерой, выглядел он, очевидно, настолько дико, что Кубик оторопел. Лениво покуривающий Кубик, безмятежно лежащий на сочной траве, резко вскочил и уставился на него, будто увидел привидение.

— Случилось чего?

Родька говорить не мог, он задыхался.

— Слу... случилось,— прохрипел он.

— Ты их... Ты удержи их хоть на пять минут, понял? Потом не найдут. Далеко они?

Родька уже отдышался. Он глядел на мечущегося Кубика, на его трясущиеся руки, на судорожные бестолковые движения — Кубик зачем-то топтал давным-давно прогоревший костёр, рвал траву, забрасывал чёрное пятно кострища, вдавливал пальцами в землю

окурки и бесконечно повторял одно и то же:

— Далеко они? Далеко?

— Далеко,— сказал Родька.

И видно, сказал он это единственное слово с таким презрением, что Кубик застыл и уставился Родьке в лицо цепким настороженным взглядом. Зрачки его сузились, сделались величиной с булавоочную головку.

— Ты зачем вернулся? — Голос Кубика был тусклый, нарочито спокойный.

— Не понял.

Странный это был разговор. Слова, ничего не значащие, тихие голоса. Но такое напряжение ощущал каждый, что Кубик не выдержал.

— Ты зачем вернулся? — завизжал он.

Глаза его стали косить, и он мелкими шажками двинулся к Родьке.

— Стой, Кубик! И слушай.— Родька сказал это почти шёпотом, но Кубик замер.

— Я тебя не боюсь, понял? И больше приходить не буду.

Родька повернулся и пошёл прочь. Спина его была напряжена. Каждой клеточкой своего тела он ожидал удара. Но удара не было. Остановил Родьку голос Кубика.

— Виталик! А я? Как же я-то? Пропаду ведь!

И такая тоска, такая безнадежность была в этом голосе, что Родька застыл, потом медленно обернулся.

Он глазам своим не поверил — Кубик плакал! И впервые Родька почувствовал жа-

лость к этому типу. Даже не просто жалость, а жалость с примесью брезгливости. Впервые в жизни перед ним так откровенно, так обнажённо унижался человек.

— Ладно, уймись ты, не позорься,— пробормотал Родька,— прокормлю. Живи пока. Но дружков моих, Володьки и Таира, не касайся!

— Да на кой мне эти малявки! Ну, спасибо, Виталик! Ну, кореш!

— Ладно тебе! Только седи тихо, носа не высовывай. Пока!

И Родька ушёл.

Глава тринадцатая РУЖЬЁ И МОЛОТОК

А через несколько дней у дяди Арчила пропало его знаменитое ружьё. Дядя Арчил обезумел от горя. Володька и Таир утешали его как могли. Но дядя Арчил был безутешен.

— Шакал! — ругал он вора. — И отец его был шакал и дед тоже! Нет... дед, может быть, не был. Но он сам вороватый, хитрый шакал! Холера ему в печёнку!

Выяснилось, что вор выманил дядю Арчила из парикмахерской очень простым и остроумным способом. Клиентов не было, дядя Арчил скучал. Он в очередной раз почистил любимое ружьё, поставил его в угол и задумался: чем бы ещё заняться? В этот миг его огромный нос напрягся, ноздри раздулись — нос уловил запах дыма.

— Где-то что-то горит! — сам себе сказал дядя Арчил и выскочил из парикмахерской. Горела всего-навсего урна. Стояла она метрах в двадцати от парикмахерской и дымила, как труба парохода.

Дядя Арчил бросился за тазиком, набрал воды и побежал тушить этот игрушечный пожар. Он выплеснул в урну воду, но дым повалил ещё пуще. Чихая и кашляя, дядя Арчил накрыл урну тазиком и сел на него. Выдержал он всего несколько минут — уж больно припекало сзади, но пожар был затушен. А когда дядя Арчил,

гордый своей победой, вернулся в парикмахерскую, знаменитое ружьё исчезло. Он понял, что его хитро и подло провели с этим пожаром, нарочно подожгли урну.

Родька стоял в стороне и сжимал кулаки. «Ну Кубик! Ну свинья! Это же твоя работа! Нашёл у кого красть — это же всё равно, что у трёхлетнего отнять любимую игрушку! Ну погоди у меня!» Он круто повернулся и зашагал прочь от толпы.

— Ты куда, Родька? — окрикнул его Таир.

— Надо. Дела у меня.

— Что-то многовато у него дел появилось непонятных, — задумчиво проговорил Володька.

ПЕЩЕРА, как всегда, открылась взгляду случайно. У входа мирно сидел Кубик и бездумно втыкал в землю нож.

«Ишь, деточка! В ножички сам с собой играет», — подумал Родька и подошёл к Кубику вплотную.

— А, кореш, привет! — обрадовался Кубик. — Сыграем? Сигареты принёс?

— Ты ружьё взял? — Голос у Родьки пресёкся от злости.

— Ружьё? — Кубик сделал изумлённые глаза. — Какое ружьё? У кого?

— Двустольное. У парикмахера.

— Ах у парикмахера, — протянул Кубик, — так бы сразу и говорил. — Он широко улыбнулся. — Не-а. Не я. И парикмахера никакого не знаю. Ме-

сяца три уже не стригся. А что, увели ружьишко?

— Ты не придумывай! Гляди, Кубик, узнаю, что это ты, — всё! Заложу тебя, и будь что будет!

— Да на кой мне это ружьё, — закричал Кубик, — что я здесь в горах грохотать буду? Что я, совсем уж по уши деревянный?! У меня для охоты рогатка есть. Во, гляди. — И он действительно вытащил из кармана любовно сделанную рогатку.

— А я уж думал — твоя работа...

— Индюк тоже думал, — сострил Кубик и захохотал, очень довольный собой. Вдоволь повеселившись, Кубик посерьёзnel и важно сказал:

— Я тут отвалю на недельку, ты не беспокойся.

— Буду плакать и рыдать!

— Ладно, ладно, остряк. Неделю не свидимся.

— Век бы тебя не видать!

А ПОТОМ в школе появился новый учитель по труду. Кажалось бы, тоже мне новость! Появился и появился. Ну Фёдором Андреичем зовут. Такой шустрый старикашечка, лицо узкое, хитроглазое, сам худенький, а кисти рук будто от другого человека — огромные, раздавленные работой. Про таких говорят: возьмёт яблоко, протянет два кулака и спросит: «В какой руке?»

Поначалу ребята отнесли к нему прохладно. Ну что такое уроки труда, чем они были прежде? До одури выпиливали лобзиками из фанеры

всякие ненужные рамочки, мальчишки лениво шаркали напильниками — считалось, что они делают молотки, обрабатывают стальную болванку до нужной точности. Скукота несусветная. Учитель черчения, совмещающий должность учителя по труду, садился в уголок и читал. А каждый занимался чем хотел.

Но когда ребята пришли на урок труда, то увидели на столах не надоевшие лобзики, а какие-то толстые чурки и медные пластинки — обрезки самых замысловатых форм. И увидели совсем другого Фёдора Андреича — спокойного, без усмешки, даже торжественного какого-то.

— Ну вот что, дорогие мои, — начал он, — надо вам начинать учиться работать руками. И работать со смыслом. Хотите?

Класс загалдел, ребята переглядывались. Кто сказал: «Да!», кто пожал плечами, кто откровенно усмехался.

— Тогда другой вопрос, — продолжал Фёдор Андреич, — хотите всем классом поехать во время каникул в Москву, или в Ленинград, или куда потянет?

Тут уж все дружно заорали:

— Да!!!

— Ну, так вот, голуби, видите эти чурки и обрезки медного листа? Что из них можно сделать? Так. Молчите. Вот что можно. Вы глядите внимательно, а я потом вам дальше всё расскажу.

Фёдор Андреич взял тре-

угольный обрезок металла, положил его на чурку, в которой заранее была выдолблена неглубокая овальная ямка, и стал несильно постукивать по пластинке молотком. Ребята обступили его, притихли, глядели внимательно, но ничего ещё не понимали. Звонко постукивал молоток, и на каждый удар металл отзывался по-разному, каждый раз — другая нота. Звуки были чистые и звонкие. Весёлые звуки. Пластина постепенно начала прогибаться. Она словно растягивалась, принимая форму ямки в чурбаке.

А Фёдор Андреич легонько придерживал пластину пальцами, слегка поворачивал её и чем дальше, тем мягче, бережнее пристукивал молотком. И металл послушно поддавался, пока не обволок собою всю выемку в чурбаке. Тогда Фёдор Андреич взял узкое зубильце и выбил на одном из углов косо летящую чайку.

— Что получилось? Получилась пепельница. Сувенир. Школа договорилась с магазином сувениров. Если у вас будут получаться красивые вещи, не обязательно пепельницы, магазин будет их покупать. Туристы всегда интересуются сувенирами ручной работы. Деньги магазин будет переводить на банковский счёт школы. И летом на эти деньги можно будет отправиться путешествовать. Ясно?

Ребята по очереди брали в руки сделанную на их глазах пепельницу. Она была ещё тёплая, приятно тяжёлая, а

многочисленные впадинки от удара молотком делали поверхность её узорчатой. Красивая получилась штука.

— Каждый пусть придумает для себя личный знак. Мой, видите, чайка,— сказал Фёдор Андреич.

Таир придумал для себя кинжал, Володька — условного человечка: палочки-ручки, палочки-ножки, палочка — туловище и голова. Родька — букву Р, а Мамед-Очевидец — извивающуюся змею. Каких только знаков не напридумывали! Только метить ими пока было нечего, потому что дело оказалось непростым. Сперва придумывали контуры буду-

щей формы, рисовали её на поверхности чурбака, потом полукруглой стамеской делали выемку, потом зачищали её наждаком, потом... Вот с этим «потом» было похуже. То, что так легко, играючи получалось у Андреича, никак не получалось у остальных: пластинка прыгала, больно отбивала пальцы и вообще вела себя совершенно по-хулигански.

— Дрянь такая,— приговаривал Таир и молотил по своей пластинке,— прыгает, как сумасшедшая лягушка.

— Моя ещё хуже дрянь, вообще с чурбака сваливается,— жаловался Володька.

Ленка Бородулина завизжала от боли — молотком попало по пальцам, Андреич смазал их зелёной, обернул пластырем и от работы Ленку отстранил. Только у Родьки получалось всё ладно. Всё-таки дни, проведённые в колонии, не прошли даром, руки его уверенно и чётко работали. Он быстро уловил ритм и силу ударов, и медная пластинка покорилась.

— Ну вот! Видал, какие номера выкидывает? — заорал Таир. Он со злости так трахнул по пластинке, что она прорвалась в самой середине. Подошёл Андреич, поглядел.

— Не беда,— сказал он,— не расстраивайся. Первый блин. Дальше лучше пойдёт. Вот смотрите, как у него получается,— Андреич показал на Родьку.— А почему? Потому что с умом работает. Когда-нибудь пробовал уже? — спросил он Родьку.

Родька потупился и скромно ответил:

— Нет. Просто я гений. Самый обыкновенный.

— Ну вот, видите,— серьёзно сказал Андреич,— у нас уже и гении собственные появились. Ну-ка, гений, покажи, как ты работаешь, а вы, ещё негении, внимательно наблюдайте.

— Чуете? — спрашивал Андреич.— Улавливаете? Удар должен быть не очень сильным, двойным. Раз-два! Раз-два! Раз-два! От центра по кругу. Тогда она елзить не будет. А грохать молотком изо всех сил — тут ума не надо.

И не стало уроков более увлекательных, чем уроки труда. Родька даже после уроков оставался, любимый футбол забросил. Он придумывал всё новые и новые формы, одна замысловатее другой. Ему было интересно. Эта работа была ему в радость. Он не знал ещё, что такое чувство называется радостью творчества.

Кубик не напоминал о себе. Да Родька и не вспоминал о нём; убрался — и скатертью дорога. Но вскоре Кубик вновь объявился. И при обстоятельствах необычных.

Глава четырнадцатая ВУЛКАНЫ

— Ну ваш Андреич и жох! — сказал Володьке отец.— Припёр меня к стене. Хватка у него мёртвая.

Володька встрепенулся:

— Как это припёр? За что?

— Сам скоро узнаешь,— от-

ветил отец и загадочно улыбнулся.

И как Володька ни старался, ничего больше ему не удалось узнать. А в пятницу Андреич сказал:

— Кто хочет со мной сплывать на остров Козлиный? На нём один из самых красивых маяков на Каспии и множество действующих вулканов.

— Что-то заговаривается наш Андреич,— пробормотал Родька.

— А тигров и носорогов там нет? — ехидно спросил Таир.

— Тигров и носорогов там нет.

— А как мы поплывём — кролем или брассом? — спросил Володька.

— Нас туда твой отец забросит. Я с ним уже договорился.

— Ах вот оно что,— пробормотал Володька и вдруг сообразил: — Но ведь мы все в отцовском дубке не поместимся:

— А все и не поплывут. Вам, во-первых, надо отпра-ситься у родителей, потому что едем мы с ночёвкой, уходим в субботу сразу после уроков, возвращаемся вечером в воскресенье. Те, кого отпустят, бросят жребий, потому что больше десяти человек судно не возьмёт. Десять вас и я одиннадцатый. Надо взять с собой еду и одеяло.

Жребий бросать не пришлось. На остров Козлиный отправилось пять человек, остальных родители не отпустили. В субботу было четыре

урока, и ровно в час пять счастливых стояли на пирсе рядом с пузатыми рюкзаками.

— Ну, молодцы! — смеялся Фёдор Андреич. — Снарядились отменно. Хоть в кругосветку отправляйся, провианта хватит.

— Из этой-то лужи в кругосветку! — хмыкнул Родька.

Подошедший Володькин отец внимательно оглядел Родьку.

— Лужа, говоришь? — спросил он. — Нет, милый, это море. И море серьёзное. И ты в этом скоро убедишься.

И Родька убедился. И действительно очень скоро. Глядя на море с пирса, казалось, что стоит полный штиль. Но едва только дубок отвалил, стало ясно, как этот штиль обманчив. Море дышало. Длинные пологие валы шли размеренно и мощно. Лёгкий дубок тарахтел мотором, тужился словно играл с волнами в пятнашки, но те легко догоняли его, мягко подбрасывали, какую-то долю секунды держали на своих хребтах, потом ускользали, и дубок клевал носом, катился вниз. И так бесконечно — вверх-вниз, вверх-вниз. Уже через час такой мерной болтанки Родька укачался. Он сидел, сжав изо всех сил зубы, и старался на воду не глядеть.

О чём-то весело болтали

мальчишки. Восторженно взвизгивала Ленка Бородулина, а Родька сидел, уставясь напряжённым взглядом в собственный рюкзак, и сглатывал, сглатывал подкатывающийся к горлу противный комок. Он мужественно продержался ещё целый час. Неожиданно Таир умолк, внимательно взгляделся в Родьку и сказал:

— А Родька-то зелёный!

— Точно. Как огурец, — подтвердил Володька.

— Тебе плохо, Виталик? — участливо спросила Ленка.

И тут Родька не выдержал. Он метнулся к борту, перевесился через него и... как говорится в старых романах, отдал морю дань. Володькин отец похлопал Родьку по плечу и утешил:

— Не расстраивайся. Сам великий адмирал Нельсон тоже укачивался всю жизнь. И на командном мостике его корабля всегда стояло ведро. На всякий случай.

Родька нашёл в себе силы отшутиться:

— А где ведро на вашем мостике?

Отец Володьки улыбнулся, подмигнул: молодец, мол, так и надо, держись.

— Есть хочешь? — вдруг спросил он.

(Продолжение следует)

ЧИСТЫЙ ГОЛ

Над кроватью висели фотографии. На одной из них — Дмитрий Евсеевич, совсем молодой. С летящими к затылку, светлыми, как ветер, волосами. В высоком прыжке у самой штанги. Лицо его искажено гримасой напряжения. Тело — словно выстрелено вслед мячу...

— Если когда-нибудь кто-нибудь из вас будет играть в классной команде, вспомните: пить кефир систематически вас учил Дмитрий Евсеевич. — С этими словами физрук достал из тумбочки белую запотевшую бутылку. Широким большим пальцем он вдавил цветной колпачок, налил стакан. — Благословенный напиток. Не могу без него, — сказал он и потянул с круглого голого плеча полотенце. Вытер красное, мокрое от жары лицо. — Значит, так, — голос физрука посвежел. — Какая установка на игру? На нашу последнюю. Играем в своей обычной манере. Медали у нас в кармане, так что психологического напряжения мы не испытываем...

При упоминании о медалях ребята переглянулись и заулыбались.

— Неужто опять шоколадные? — спросил кто-то шепотом.

— Что ты?! Говорили же — из металла. Почти настоящие!

— Вот здорово!

— Правда, — продолжал физрук, — играть придётся на ничью...

— Дмитрий Евсееч?!

— Да мы этих «факельщиков»!..

— Ну вот... опять двадцать пять.

Опять этот ваш детский максимализм. Сколько можно объяснять? Независимо от исхода этой игры мы чемпионы — раз. — Физрук загнул один палец. — «Красный факел» наши хорошие соседи — два. Игра на их поле. Я подчёркиваю: играем В ГОСТЯХ... Если мы их, как вы говорите, «обштопаем», то они займут не второе место, а третье... Далее. У кого наш лагерь арендует купалку? У «Красного факела» — три. Этого нельзя забывать. Кто даёт нам для походов польские палатки и спальные мешки?..

Ребята, сидевшие на веранде, слушали Дмитрия Евсеевича внимательно. Только Пашка Коломенцев исподтишка водил травинкой за ухом вратаря Витьки Козликова. Козликов рассеянно хлопал себя по щеке, и это смешило Пашку.

— Коломенцев, — Дмитрий Евсеевич погрозил пальцем, — слышал, о чём речь идёт?

— Слышал, слышал, — давясь от смеха, ответил Пашка. — Играем в обычной своей манере.

— И смотри у меня, Коломенцев, — напомнил физрук, — не зафигиться со своими фишками... Подвожу итог. Играем в обычной расстановке. Ну и... на пропущенный мяч отвечаем забитым. Так?

— Так!

— Двумя забитыми!..

— Я вам... — улыбнулся Дмитрий Евсеевич. — Капитан, формы постираны? Выглажены?

Озабоченный Коля Сутеев начал свой доклад о положении с амуницией. Неожиданно из-за кустов у дорожки донеслось:

— Но так как вольный океан широк и с кораблём могучим наравне качает скромный маленький челнок, дерзнул я появиться на волне...

Это мог быть только Леонид Михайлович Лапшин. Воспитатель малышowego отряда. Стихи кипели в нём, просились наружу, и воспитатель декламировал их с утра до вечера. Малышня полюбила своего Лапшина с первого дня. С первого дня они лазили по нему, как муравьи по кустистому дереву. Лазали и тоже декламировали. И кто из них испытывал большее удовольствие — сказать было трудно.

В родительские дни к Леониду Михайловичу, как к пионеру, приезжала мама. Маленькая пожилая женщина с чёрной соломенной шляпкой на голове. Она доставала из сумки бесконечное количество баночек с угощением. При этом мама смотрела на Лапшина с таким обожанием и гордостью, словно это был не студент второго курса университета, воспитатель малышowego отряда, а прославленный дипломат,

возглавляющий посольство в какой-нибудь далёкой стране...

Леонид Михайлович подошёл к ступеням террасы.

— Салют олимпийцам! — сказал он, тряхнув своей густой рыжей шевелюрой так, что сверкнули толстые стёкла очков. — Готовитесь?

— Здравствуйте, Леонид Михайлович! Готовимся. Приходите болеть!

— Польщён вашим приглашением. Приду непременно и приведу своих цыплят. — Лапшин церемонно поклонился и заспешил дальше, декламируя на ходу: — Лелеет лето лучший свой цветок, хоть сам он по себе цветёт и вянет. Но если в нём приют нашёл порок, любой сорняк его достойней станет...

— Так, ребята, — спохватился Дмитрий Евсеевич, — прошу внимания! О сюрпризе-то я вам не сообщал.

— Сюрприз?! Вот это да!

— После игры хозяева угощают нас обедом. Праздничным. Кроме всего прочего будут... апельсинны и грецкие орехи.

— Ур-ра!

На стадионе «Красного факела» собрались болельщики пяти лагерей. Ещё бы! Финальная игра. Всем командам, занявшим первое, второе и третье места, будут вручать медали.

Леонид Михайлович привёл своих «цыплят», как и обещал. Их было слышно издали, ещё когда шли. Вместе со своим воспитателем они горлачили на весь лес:

— Кто хвалится родством своим со знатью, кто силой, кто блестящим галуном, кто кошельком, кто пряжками на платье, кто соколом, собакой, скакуном...

— Лапшенята! Лапшенята идут! — оживлённо переговаривались в стане болельщиков «Маяка».

Прозвучали позывные футбольного матча. Обе команды построились для приветствия. Свисток. Игра началась.

Нападающие обеих команд сразу стали паровать своим защитникам. Защитники, поразмыслив какое-то время, отправляли мяч вратарю.

Делали они это с замиранием сердца: как бы не закатить в свои ворота. Работа у вратарей, хоть и спокойная, но всё же была. Вскоре оба взмокли. Потому что нападающие отправляли им мяч, уже минуя защитников. Защитники заскучали. На своих вратарей они посматривали равнодушно, без всякого сочувствия. Смущённые таким оборотом дела, капитаны подбегали к своим нападающим и шептали:

— Вы что уже?.. Совсем спятили?..

— А про установку забыл? — резонно отвечали им.

Так и шло. Если мяч опускался между двумя противниками, то один

нападающий противника. Пашка с мячом пошёл прямо на него. Как бы приглашая атаковать. «Ну чего стал, как пень. Отбери, отбери.. И всё будет в порядке...» — шептал Пашка. Противник словно услышал эту мольбу. Пошёл на него. Но Коломенцев качнулся влево и тут же вместе с мячом рванулся вправо. Нападающий остался позади. А Пашка по своему краю перешёл на половину противника.

К Коле Сутееву подбежал капитан «Факела».

— Что это он? А?..

— Не знаю, — пожал плечами Сутеев. — Что ты меня спрашиваешь? Беги лучше выручай команду,

из них любезно отходил в сторону, мол, как-то неловко отбирать у хозяев. Или, мол, нехорошее это занятие — обижать гостей. Уже судья начал грозить и жестами призывать обе команды к более активным действиям. А болельщики возмущённо заорали.

У Леонида Михайловича на коленях сидела Людочка. Самая младшая из отряда. Она даже не смотрела на поле, словно зная, что там ничего интересного. Людочка плела венки из колокольчиков. Она сплела один, водрузила его на голову воспитателя и принялась за другой.

Но что это? Мяч у правого крайнего «Маяка». У Пашки Коломенцева. Перед ним в нерешительности

Наперерез Коломенцеву бросилось всё нападение «Факела». Защитники остоленело замерли в штрафной. Вратарь покрикивал на них, как кучер на лошадей.

«А-а! Вон вас сколько, — с весёлым азартом подумал Пашка. — Вчетвером на одного. Годится. Теперь-то отберёте, конечно. Только не сразу... Только мы ещё посмотрим, как это у вас получится... Давайте, давайте, голубчики. Вот он мяч. Ну?..»

Пашка бросил взгляд влево. Своих — никого. «Тем лучше», — отчаянно подумал он и решил окончательно, что за так мяча не отдаст.

Коломенцев шёл вдоль боковой линии, просто чудом не завалива-

ясь за пределы поля. То он плёл кружева коротких финтов, то проламывался сквозь теснивших его противников. Казалось, сам мяч не хотел расставаться с Пашкиными ногами, так они понимали друг друга. И только тогда, когда Коломенцев вышел к воротам, он вдруг на мгновение заколебался: бить или не бить. Но тут на помощь пришёл сам вратарь. «Нет. Бить не буду...» — решил Пашка. Он замер на месте, поддел носком мяч и мягко перебросил его через далеко выбежавшего вратаря. Тот подпрыгнул, вытянув руки, но напрасно. Мяч упал за его спиной и, всё ещё послушный Пашкиной воле, медленно, нехотя вкатился в ворота.

И тогда началась игра. Игра, ради которой собралось столько народу. Ради которой надевают спортивную форму и выходят на поле. Игра на победу...

Пашкин гол оказался для «Факела» роковым. «Красный факел» откатился на третье место.

Наступило торжество вручения медалей. И пока проходила эта процедура, Коломенцев видел, как чуть в стороне разговаривали Дмитрий Евсеевич и физрук «Красного факела». Дмитрий Евсеевич вытирал мокрое красное лицо полотенцем, бросая собеседнику что-то резкое. Он взмахивал рукой, отворачивался.

Команду «Маяка» пригласили в столовую. Дмитрий Евсеевич подошёл к Пашке.

— Эх, Коломенцев... Что же ты?..

— Дмитрий Евсеич, да не хотел я. Само как-то так получилось... Их вон сколько было. А я один... И не думал...

— «Получилось»... А с каким аптитом апельсины есть будешь?..

Они уже шли строем. Пашка остановился, дёрнул плечом:

— Да я... Да мне... Нужны мне ваши апельсины!..

Пашка вышел из строя и пошёл по тропе к своему лагерю.

— Коломенцев, вернись! Куда ты?! Я не всё сказал...

Он отошёл уже далеко, когда услышал топот бегущих ног. Кто-то его обогнал, звук шагов неожиданно оборвался.

Пашка поднял голову. Перед ним стоял Лапшин. Улыбаясь, он протягивал руку.

— Вы знаете, — уважительно сказал он, — я не сразу всё понял. А вы молодец... Вы... Я бы хотел пожать вашу руку. И не надо расстраиваться. На это вы даже права не имеете! Только послушайте...

Пашка хмуро посмотрел в лицо Лапшина. Он сделал шаг в сторону, чтобы обойти его, но тот схватил Пашку за руку.

— Вы только послушайте. Футбол не миг, не зрелище благое... — Лапшин задумался на мгновение. — Я находил в нём маленькое сходство с тем в жизни человеческой, когда идёт борьба прекрасного с уродством и мыслящего здраво — с сумасбродством. Борьба меня волнует, как всегда. Она живёт настойчиво и грубо в полёте птиц, — голос Лапшина звенел, — в журчании ручья, определённо, как в игре на кубок, где никогда не может быть ничья. Вы слышите, — сказал Лапшин и повторил: — Где никогда не может быть ничья...

Пашка рванул руку.

— Ну что вы все ко мне пристаёте?! Пустите!

Лапшин озадаченно развёл руками и так и остался стоять на месте.

— Даже сам Владимир Владимич Маяковский назвал одну из своих книг «Взял!», таким футбольным словом... — тихо произнёс Лапшин, но это было сказано скорее самому себе.

После ужина Коломенцеву передали, что физрук просит его зайти к нему.

— Не пойду, — с досадой мотнул головой Пашка.

Но физрук разыскал его сам и чуть ли не за шиворот притащил к себе. Они сидели на скрипящей койке Дмитрия Евсеевича. Физрук тяжело дышал. Долго ерошил редкие седые волосы.

— Вот, — сказал он резко, неожиданно. Придвинул табуретку, стук-

нул рукой по лежащей на ней старой потёртой газете.

Пашка посмотрел. Какая-то статья. Стал читать подчёркнутые строчки: «Я никогда не устал играть в футбол. Напротив, если можно так выразиться, я всегда «загораюсь», появляясь на поле... И нет для меня ничего более грустного, чем опустошённый мяч, из которого выпущен воздух...» Слова эти принадлежали Эдсону Арантесу до Насименту Пеле.

— Прочёл? — глухо спросил Дмитрий Евсеевич.

— Прочёл.

— Он бы на твоём месте, — Дмитрий Евсеевич ткнул пальцем в подпись, — тоже бы... забил. И вот он... — физрук резко обернулся и зло взглянул на свои фотографии. — Тьфу, стыдно!.. Стареешь и не замечаешь, как сердце начинает заплывать жиром... Учю, называется... Систематически пить кефир... — Он отвернулся и после долгого молчания сказал: — А это, брат... Это хорошо, Коломенцев, что у тебя САМО получилось...

Пашка смотрел в раскрытое окно. Из темноты в комнату на свет летели мелкие бабочки. Их маленькие

крылья всхлывали продолговатыми искрами. Сквозь чёрную гущу кустарника виднелся далёкий неподвижный огонёк фонаря.

— Нужна защита, но, однако, был с приснопамятных времён футбол задуман, как атака, и быть атакующим должен он. И если, дышащие веком, вы, как в одной из лучших школ, в футболе стали человеком, то это — самый чистый гол!

— Слыхал?.. — Дмитрий Евсеевич поднялся с кровати, шепнул Пашке: — Ай да студент... Прямо в девятку... Пушечным...

— Дмитрий Евсеевич, — раздался голос Лапшина с улицы, — вы у себя?

— Да.

— Иду на Вы... Для разговора...

— Ну сейчас, чую, даст он мне жару-пару. Ступай, Коломенцев, к себе, ступай.

Лапшин, увидев Пашку, спускавшегося ему навстречу по ступеням террасы, остановился.

— А-а, бомбардир? — не сразу узнал он. — Сейчас темно, никто не увидит. Может, позволишь пожать твою руку?..

Потную ладонь Пашка сначала вытер о штаны.

Мих. САДОВСКИЙ

Никогда не дремлет сон

*Никогда не дремлет сон,
День и ночь в дороге он.
Ожидает на перроне,
Отправляется в вагоне,
Плавно ходит по домам,
Убаюкивает мам,
В цирке бродит по вольерам,
Дружит с главным инженером,
Улыбается ребятам,
Морякам и акробатам...
Космонавты в свой «Союз»
Взяли сон как важный груз,
Несомненно, нужен сон
Даже тем, кто невесом.*

Рис. Г. Моисеевой

ВАЛЬС

Вечером в клубе танцы. По мне так пропади они пропадом, эти танцы. Я и танцевать-то не умею. Но я дал слово, что приду. Кому? Самому Медвежонку, вернее, самой медве... короче, Нине Алексеевой.

Скажете, отчего это у девочки такое прозвище — Медвежонок? И она ведь вовсе не косолапая. Наоборот, стройная, ловкая. А Медвежонком её прозвали вот почему. Ещё в первой смене у нас была военная игра. И мне повезло — меня назначили в группу разведчиков. А Мишку нет. Он очень обиделся. Но дело не в этом. В нашей группе было трое мальчишек и одна девчонка — Нина Алексеева.

К вечеру мы ушли в разведку. Задача стояла такая: найти штаб противника и дать знать своим о его месте расположения. В случае удачи нам приказали запустить воздушный шарик на тонкой бечёвке, а бечёвку привязать к дереву возле штаба.

Штаб мы нашли. Стали запускать шарик. Но подул ветер, и наш шарик рванулся в сторону и

застрял между лапами старой ёлки. Что делать? Пока мы с ребятами думали, как выйти из положения, пропала Нина. Мы туда, сюда — нет её. А кричать нельзя — кругом неприятель.

И вдруг Толька Петров толкает меня и показывает на ель. По смолистому стволу карабкается вверх Нина. Вот она встала на один сук, на другой, на третий, отцепила шарик и полезла с ним ещё выше. Мы застыли: хоть бы не свалилась! «Во лезет, как медвежонок», — шепнул Петров. А Нина залезла почти на самую макушку. Привязала к ней конец бечёвки, и шарик взлетел над деревьями. С тех пор в лагере её и стали называть Медвежонком.

Мне с ней ещё тогда захотелось подружиться. Но подойти и сказать: «Давай будем с тобой друзьями» — я стеснялся. Она же не мальчишка. Это я Мишке так мог сказать. Пригласить её на танец в клубе? Да если б я хоть бы одно па умел делать... И вдруг она сама предложила мне прийти на танцы. Я так обрадовался, что забыл признаться, что танцевать-то не умею. Когда я отпаривал брюки, Мишка заметил:

— Чего это ты так стараешься? Всё равно на скамейке просидишь. Витёк, дай мне твою рубашку, ту, с погончиками.

— Не могу. В этот раз не могу, Миша.

— Эх ты, а ещё друг. Ну выручи, Витёк! Я сегодня решил: буду весь вечер с Ниной танцевать.

— С Медвежонком?

— Ага.

— А она?

— Что — она? Откажется, что ли?

Конечно, куда мне в танцах против Мишки. Но ведь Нина меня сама пригласила. Ну и что? Наступлю ей раза два на ногу, и всё, конец танцам. Лучше уж вообще не ходить в клуб. Жаль только, что уйму времени на брюки ухlopал.

— Бери, Миша, рубашку.

— Вот это друг! Спасибо, выручил! Хочешь, я тебе свою клетчатую отдам?

— Да не надо мне. Я, пожалуй, в клуб не пойду. Почитаю что-нибудь.

— Да ты что! Приходи посмотреть, как я с Ниной танцевать буду. Придешь?

Мишка взял мою рубаху и убежал переодеваться. А я посидел на лавке возле гладилки, а потом пошёл в библиотеку дочитывать книжку о Парижской революции. Я как раз остановился на том месте, когда версальские войска ворвались в Париж и Шарло Бантар, по прозвищу Кри-Кри, пробирался на баррикаду к своему дяде.

В клубе зажётся свет, и из открытых окон выплеснётся музыка. Я старался её не слышать.

«От здания мэрии до улицы Рампонно было не больше полутора километров, и в обычное время Кри-Кри, прекрасно знавший все улицы и переулки предместья Бельвиль, мог такое расстояние пробежать в четверть часа, а если воспользоваться проходными дворами, то и ещё скорее. Но сейчас добраться до улицы Рампонно оказалось нелегко...» — читал я. Но музыка мешала мне сосредоточиться. Я перевернул страницу, но больше не смог прочитать ни строки. Ладно, потом почитаю. Пойду прогуляюсь.

Я бродил по центральной аллее и старался не думать о том, что сейчас в клубе весело, что Мишка танцует с Ниной. Мне казалось, что я бродил взад-вперёд, а на самом деле я шёл к клубу. Вот и крыльцо, и широко распахнутые двери, и музыка. Я постоял возле крыльца, а потом — будь что будет — поднялся по ступенькам и вошёл в зал. Стал искать глазами Нину и Мишку. Но в центре зала их не было. И рядом не было, и в дальнем конце. Хотя, во-он она, Нина, танцует со... со Светкой Мельниковой. Вернее, не танцует,

а учит Светку танцевать. А где же Мишка?

Кто-то положил на моё плечо руку. Оглядываюсь — Мишка.

— Пришёл всё-таки, Витёк.

— Да... заглянул... хотел посмотреть, как вы с Ниной танцуете.

— Да ну её, Нинку! Подумаешь, выставляется. Я её приглашаю, а она — та-та-та, ла-ла-ла... Повернулась и ушла. Весь вечер со Светкой Мельниковой.

— Весь вечер?

— А чего ты радуешься? Я бы на твоём месте за товарища обиделся. Пойдём, Витёк, отсюда. Скучно здесь.

Но теперь-то мне уходить не хотелось. А Мишка ушёл. Очень он обиделся на Нину. И знаете, правильно я сделал, что не ушёл. Когда кончился танец, я решительно направился к Нине.

— Нина, — позвал я, — извини, я опоздал.

— А, Витя. Что же ты опаздываешь? Здесь так весело. Сейчас мы будем с тобой танцевать.

— Но, Нина, я же...

— Знаю, знаю. Но ведь этому можно легко научиться. Правда, Света? Вот Света уже три танца выучила.

— Так Света девчонка, ей легче.

— Чудак ты, Витя. Какая разница — девочка или мальчик. Ну, ладно. Один-то танец ты сегодня разучишь.

— А какой?

— Мой любимый. Вальс. Смотри, с чего надо начинать. Поставь ноги вот так. Это называется третья позиция. Потом делай вот так и считай про себя: раз, два, три. Раз, два, три. Теория ясна? А теперь практика. Смелей, Витя!

И грянула музыка. И я сразу наступил Нине на ногу. И она не рассердилась. И мы танцевали. Так мне казалось. Теперь и для меня вальс — самый любимый танец. Я его ещё научусь танцевать как следует!

Рис. Ю. Шабанова

В темпе походной песни. Напевно.

1. Лист.

во ю шумят топо ля на вет ру, приветству я

верных друзей И. Дёт пио нерский зе.

росо ит.
Лё ный патруль с поход ною пес ней своей.

Широко
лес но е зелёное зна мя взмет

The image shows a musical score for the song 'Зелёный патруль'. It consists of three systems of music, each with a vocal line and a piano accompaniment. The key signature is one sharp (F#) and the time signature is 3/4. The lyrics are written below the vocal line. The first system contains the first line of the song. The second system contains the second line. The third system contains the third line, which includes a double bar line and a repeat sign. There are various musical notations such as slurs, ties, and triplets throughout the score.

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ

Музыка В. Запольского

Слова В. Шумилина

1.

Листою шумят тополя на ветру,
Приветствуя верных друзей.
Идёт пионерский зелёный патруль
С походною песней своей.

ПРИПЕВ:

Лесное зелёное знамя
Взметнула природа над нами.
Идёт пионерский зелёный патруль
С походною песней своей.

2.

Берёзки-подростки спешат
в города —
Зелёную улицу им!
Деревья у нас под охраной всегда,
Мы их обижать не дадим.

ПРИПЕВ.

3.

В январскую выюгу и
знойный июль
Встаём на защиту друзей.
Идёт пионерский зелёный патруль
С походною песней своей.

ПРИПЕВ.

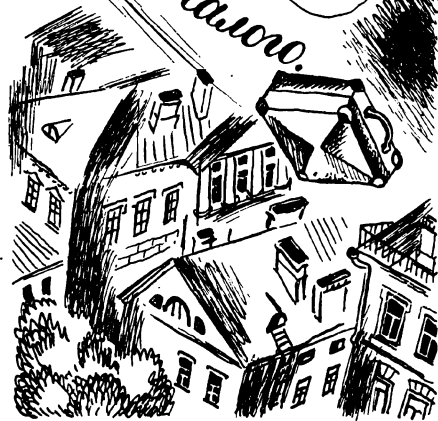

Рисунки Л. Коломейцевой

УЖЕ СЕДЬМОЙ год по документам астроном Коркин был на пенсии. Но на самом деле он по-прежнему каждый день ездил в Пулковскую обсерваторию на работу. «Не за деньги, а за звёзды», — как шутил Коркин. Вот и сегодня в обсерваторию Коркин пришёл раньше всех. Он расчесал растопыренными пальцами длинную бороду, огладил темя, расслабился и прильнул к резиновой оправе окуляра малого телескопа. От радостного волнения даже озноб по коже прошёл. «Минут пять погуляю по небу, а затем уж приступлю к работе по программе», — подумал Коркин.

Внезапно звёзды заслонило какое-то огромное тело, похожее на хрустальную люстру с подвесками. Длинные концы подвесок светились, испуская серебристые струи, которые мгновенно разрастались в огромные призрачные шары. Старый астроном замер. «Астролёт! Странная конструкция. Похоже, что двигателя импульсного типа. А может, всё сослепу чудится... Нет, вот он гасит скорость. Кажется, намерен приземлиться. Бесспорно, астролёт невземой конструкции!»

На корпусе «люстры» вздулся бугор, вытянулся в каплю, оторвался и по наклонной траектории полетел на землю. А корабль, увеличив скорость, направился в глубины космоса.

Коркин быстро разыскал в небе падающее тело. Оно приближалось и приближалось. На странном предмете обозначилось что-то похожее на руки и ноги, разведённые в стороны, круглая голова, какой-то груз за спиной.

«Неужели гуманоид?! Что же он парашют не раскрывает? Пора бы уж!»

Внезапно астронавт стал кувыряться, от него что-то оторвалось. Коркин испугался, потерял прищельца, а когда снова нашёл его, у того уже не было багажа за спиной. Астронавт исчез где-то над расположенными маревом заводских труб. «Всё! Теперь он погибнет без парашюта... Ужасно! Прилететь из невероятных глубин космоса и так нелепо погибнуть у цели! А если?..» Коркин резво не по возрасту сбежал

вниз, прыгнул в свой «Запорожец» и помчался в город.

ЕМЕЛЬКА огляделся, хотел было шагнуть вперёд, но вдруг какой-то вихрь налетел на землю, листья деревьев шумно вскипели, послышался треск веток и что-то тяжёлое упало рядом с Емелькой.

— Ой! — вскрикнул мальчишка.

Из песка выглядывал какой-то предмет кофейного цвета. Емелька подёргал его на себя. Но он не поддавался, должно быть, глубоко завяз в песке.

— Статуя вроде бы... — пробормотал Емелька, разыскивая глазами лопату или на худой конец палку. Вокруг ничего подходящего не было. В скверике детского сада он заметил своего соседа по дому. Астроном Иван Иванович Коркин, больше известный среди соседей под именем Ванваныча, что-то искал, раздвигая палкой траву и кусты. Заглянул даже под штабель досок, перелез деревянную ограду и подошёл к Емельке.

— Что ты тут делаешь?

— Раскопки веду.

— Чудненько, что я тебя встретил! И что же ты тут раскапываешь?

— Да что-то среднее между коленом и поленом.

— Гибрид, значит... А почему ты не в пионерлагере?

— Был! У бабушки в деревне тоже был. А теперь хочу с батей дом строить.

— Так ты, выходит, занят строительством? Жаль, жаль! А я хотел просить тебя и твоих друзей о помощи.

— Так не робейте, говорите. Если сможем, то поможем.

— Конечно, сможете! Интереснейшее дело! Соберите своих друзей, знакомых, как можно больше, и через полчаса приходите в парк, к скамейке у круглого озера. Добро?

— Годится!

Ванваныч ушёл. На песке отпечатались его мелкие, ёлочкой, шаги. Емелька подковырнул песок носком ботинка, горка неожиданно съехала вниз.

— Действительно, статуя!

Он провёл пальцем по её ноге и испуганно отдернул руку. Нога была заметно теплее песка! Емелька ещё раз осторожно потрогал находку.

— Твёрдая! Скульптура всё-таки...

Емелька попробовал поставить статую на ноги. Но она оказалась

настолько тяжёлой, что вырвалась из рук. И тут неожиданно Емелька увидел Витьку. Призывно помахал ему тюбетейкой:

— Вить! А Вить! Вали ко мне! Я здесь чудную скульптуру нашёл!

Длинный Витька рванулся к нему не разбирая дороги, у ног Емельки с разбегу бросился на песок.

— Откуда взялась эта физия? — мотнул он головой на скульптуру.

— Не видишь разве? Из песка вылупилась. Помоги-ка её на ноги поставить.

Вдвоём они волоком стянули находку вниз и поставили на ноги.

— Вот так статуя! — присвистнул Витька. — Какая-то необыкновенная абстракция.

— Сам ты абстракция! Вот когда не поймёшь, то ли это коряга, то ли металлолом, тогда натуральная абстракция. А тут... Смотри: всё ясно — голова, руки, ноги...

— Присмотришь-ка лучше! Ресницы и волосы как вермишель! А голова? Сплошные глаза! Наши в её один вместятся. Ещё и третий глаз на лбу. А туловище! Всё в цветных волдырях каких-то...

— А по-моему, и не волдыри, а шарики. Должно быть, костюм такой. Вроде купальника... Давай-ка поставим её на плиты. А потом соберём ребят из нашего класса и унесём её на школьный двор.

Емелька притащил из штабеля доску. Вдвоём они заволокли на неё скульптуру, закрепили проволокой. Оперев доску на перемычки, мальчишки навалились на свободный конец. Под тяжестью доска изогнулась, затрещала, но не сломалась, и находка была поднята на штабель железобетонных плит.

— Слышь, а почему эта каменная принцесса тёплая?

— Почему, почему! Тебя голыми пятками по плитам — ещё не так нагреешься! — не очень уверенно ответил Емелька, присматриваясь к лицу находки. Ему показалось, что её вермишельные ресницы опущены, глаза стали меньше. «Мережится!» — наконец решил он и сказал: — Айда ко мне в мастерскую. Нет, погоди,

вот, бери ключи, помастера там что-нибудь. А я сбегаю к Ванванычу...

КОРКИН грелся на солнце и что-то сердито рисовал в блокноте.

— Кхе, кхе! — покашлял Емелька.

Астроном продолжал рисовать.

— Кхе, кхе! — уже громче покашлял мальчишка.

— А, это вы? Чудненько, ладненько, что пришёл! Ну, садись. Так чего бишь тебе хотелось? В подзорную трубу посмотреть?

— Я? — обиделся Емелька. — Это вы меня хотели о чём-то просить.

— Верно! Хотел.. Бери подзорную трубу, она твоя. Но ты должен помочь мне разыскать одного человека. Космического пришельца с планеты... Ну, скажем, Оливия. Я видел, как он выпрыгнул с астролёта и упал где-то в районе этого вот сквера. Собрал ребят?

— Одного только нашёл. Ждёт в мастерской. Остальные — кто где. В общем, никого нет в городе. Каникулы ведь.

— Жаль. Но будем надеяться, что ты по ходу дела ещё кого-нибудь пригласишь в поисковую группу. Астронавта необходимо немедленно найти! Мы должны его изолировать. На нём могут быть безвредные вирусы. А с неизвестным космическим вирусом нашей медицине трудно справиться... Ты всё понял, мальчик? Да! Если найдёте оливтянина, ни в коем случае не прикасайтесь к нему! Выставьте возле него дозор, потом немедленно разыщите меня. В этом блокноте приблизительные зарисовки астронавта.

— Ванваныч, а в милицию вы обращались?

— Обращался, но... Честно говоря, мальчик, в милиции мне не поверили. Позвонили на работу, начальнику отдела кадров. Не знаю, что он по телефону говорил обо мне дежурному, это я ещё разберусь, но похоже, что посоветовал ему не принимать меня всерьёз. Так что астронавта пока нам с тобой придётся искать.

Емелька побежал в мастерскую к Витьке. Но, когда поравнялся со

статуй, застыл на месте от удивления. Скульптура стала выше сантиметров на пятьдесят. Вермишельные волосы оцетинились во все стороны и легонько покачивались. Он поплевал на палец и поднял руку. Ветер едва дышал. Правда, на тополе рядом со скульптурой листья насакивали друг на друга, словно все вместе в пятнашки играли...

Емелька раскрыл блокнот Ванваныча и стал его лихорадочно листать. Внимательно посмотрел на рисунок, потом на скульптуру и что есть духу помчался к дому Коркина.

— Ванваныч! — закричал он под окнами.

Из окна выглянула Коркина.

— Тебя что, на куски режут? — сердито спросила она.

— Тётя Вера, пожалуйста, позовите Ванваныча!

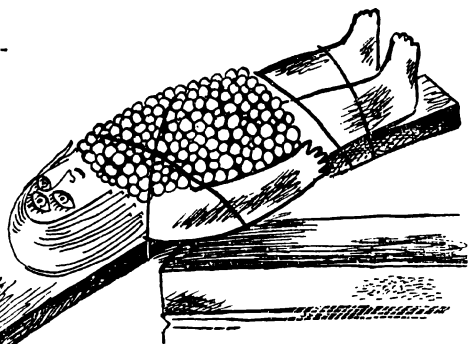
— Нет его дома. Опять уехал в обсерваторию что-то там доказывать. Вернётся не скоро, может быть даже утром, за ним и такое частенько водится.

Емелька обежал дом вокруг и закричал под своим окном:

— Ба-а-а-тя!.. Ба-а-а-тя!.. Ба-а-а-тя!.. Ма-а-а-м!..

Из квартиры никто не отзывался. Как видно, ни отец, ни мать не вернулись ещё с работы. Емелька лихорадочно думал, что же ему делать дальше. В глубине улицы в его сторону медленно шла женщина.

— Тётянька, а тётянька!.. Что мне делать? Я космического пришельца нашёл. Его надо срочно изолировать. И меня тоже. И Витьку. Так мне астроном сказал. А сам уехал. И батя с мамой с работы ещё не вернулись. Что же делать?

Женщина терпеливо выслушала и спросила:

— Ты где живёшь?

— Да вот в том доме.

— Знаешь что, мальчик? Иди ты домой, закройся и жди родителей.

— Нельзя же мне домой! В изолятор бы мне...

— Ничего, ничего! Домой всегда можно. Это и будет изолятор. Временный. Ну, беги. А то мне некогда.

БЕЗ ПИДЖАКА, с засученными рукавами рубашки Витька рубанком заострял ракету. Стружка, свиваясь винтом, мягко падала на пол. Кто-то встал на пороге и заслонил свет. Витька поднял голову. Ухватившись за косяк, в дверях застыл бледный Емелька и, захлёбываясь воздухом,

пытался что-то сказать. Наконец охрипшим голосом торопливо выдал:

— Честное пионерское, я не знал! Ну, чтоб меня муравьи слопали, если я вру!

— Н-я-не понимаю. Ты о чём?

— Это не скульптура! Оливтянин это... Пришелец с другой планеты. Ты только не бойся! Может, всё ещё обойдётся. Дело в том... В общем, его должны изолировать. Как первые образцы с Луны. Правда, на лунной породе вирусов не нашли. А на планете Оливия — есть. Понимаешь? А наши врачи не знают, как бороться с незнакомой болезнью. Могут все люди заразиться и вымереть. Понимаешь? Все люди Земли!.. Ты только не бойся!

Витя пробормотал испуганно:

— Может, хватит разыгрывать?

— Да знаешь, кто мне это сказал? Ванваныч! Учёный по астрономии. Живёт в нашем доме. Вот же смотри, подзорная труба и его блокнот с рисунком оливтянина. Сказал, чтобы ему немедленно сообщили, если найдём, а сам в обсерваторию умотал.

— Что же нам делать? В больницу драпать? — спросил Витька бледнея.

— В больницу! Что ты там скажешь? Заразился от космического пришельца? Ты ведь сам не поверил мне, пока я блокнот не показал. Да пока там будут разбираться что к чему, мы с тобой заразим всю цивилизацию. Ванванычу в милиции и то не поверили. Рассказать бы всё это бате, он бы понял. Но его нет дома. И мамы тоже. Как назло! К прохожим обращался — за психа принимают.

— Тогда что же нам делать?

— Сначала дезинфекция.

— А потом что? Будем ждать астронома?

— Обязательно!

Емелька снял брюки, свитер и носком ботинка отшвырнул одежду в угол. Майку заправил в трусы. Поглядывая на друга, Витька тоже стал медленно раздеваться. Ребята вымыли руки, лица, обувь, протёрли

подшвы керосином. На полке разыскали старые брюки, рубашки и переоделись.

— А теперь что? — растерянно спросил Витька.

— Сжечь надо всё! И гараж, и песок вокруг оливтянина.

— Ну, ты даёшь! Ещё пожара нам не хватает...

— Да ты погляди, чему тут гореть? Пол цементный, стены кирпичные, потолок из бетонных плит, ворота железом обшиты. Там, где оливтянка, — тоже песок и бетон. Барахло наше сгорит да вирусы.

— Но песок-то не горит...

— А керосин на что?

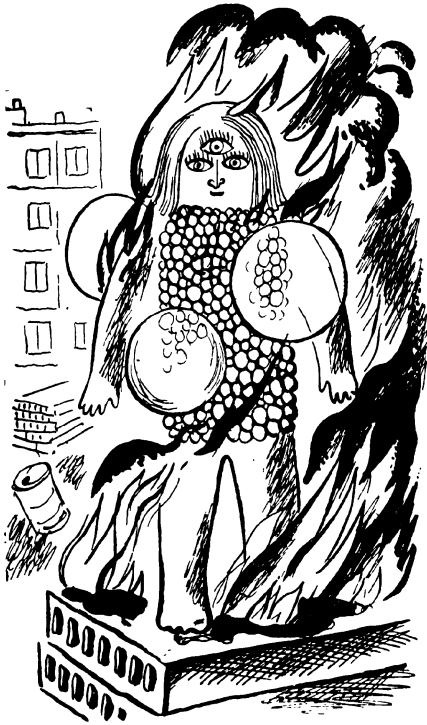
Емелька просмотрел полки, порылся в коробке с винтами и прочей металло мелочью. Неполный коробок спичек он разыскал на гвозде под потолком.

— Витька, цепляйся за ручку. Стоп! Бидон слишком заметно и тяжело тащить. Ищи банку... Во, это годится! Ищи ещё, а я наливать буду.

Ребята подошли с вегошью и банками к складу сыпучих материалов. С одной стороны его заслонял детский сад. За окнами смутно просматривались пустующие комнаты: дети были на даче. Со стороны улицы склад прикрывала гора пенобетона. За улицей начинался забор стройплощадки.

— Вить, иди покарауль! Если что — свистни!

Емелька смочил в керосине тряпки, постелил их на песке. У неподвижной смуглой фигуры он замешкался. Под ее осмысленным взглядом Емельке стало не по себе. Он поспешно наклонил голову и подумал: «Взгляд, как у живой. Но что же я стою? В любой момент кто-нибудь может помешать... Как живая смотрит!» Емелька решительно шагнул поближе. Медленно, стараясь не разбрызгивать, вылил керосин прямо на вермишельные волосы оливтянки. Струйки жидкости быстро потекли вниз. Пробираясь по телу между шариками, они стекали лужицей на бетон. Емелька

чиркнул спичкой, осмотрелся и бросил её в керосин. Пламя ухнуло, язычки побежали по ветоши и песку.

Мальчишка с разгону соскочил вниз, махнул Витьке рукой, чтобы тот следовал за ним. Отбежав, Емелька, остановился, дождал друга. И тут он увидел, как на полыхающей оливетянке быстро набухли несколько шариков. Достигнув огромных размеров они громко лопнули и задули пламя. Емелька вздрогнул от неожиданности, осмотрелся. Но видневшиеся вдалеке прохожие не обратили внимания на шум.

В мастерской ребята стали торопливо собираться в дорогу.

— Я прихвачу снасти с удочками, а ты сворачивай брезент. Отец когда-то накрывал им «Победу». Котелок возьми, шпагат и ножик. В карантине всё пригодится.

— Мы, что ли, в лес идём?

— Лес не годится. Лучше на залив. Помнишь, где мы были? Там места глухие, вокруг огромные топи, густые кусты. Никто туда не сунется.

— А что? Лучше не придумаешь. Поджарим бацилл в гараже, и айда!

На мотоцикле подъехал парень. Он долго протирал машину, потом вкатил её в соседний гараж. Дверь запер на большой амбарный замок. Мальчишки затаились и следили за парнем в щель. Когда незнакомец ушёл, Емелька на серой, из силикатного кирпича стене гаража написал мелом:

«Ухожу в карантин. Со мной — Витя Обедин и космические вирусы. Емельян Чалый».

Емелька бросил внутрь гаража мел, потом зажжённую спичку в лужу керосина, прикрыл створки ворот и побежал к Витьке. Ребята шли быстро по мостовой. Улицы выбирали по возможности малолюдные и тихие. С шоссе на дороге свернули в густые заросли высоких трав, осоки, камыша, кустов. Наконец выбрались к заливу.

— Правда, подходящее местечко, — сказал Емелька. — Давай-ка сразу рыбой запасёмся. Ты, Витька, заостри палку и накопай червей, а я пока снасти приготовлю.

Емелька распутал капроновую леску. Насадил червя, поплевал на него и привычно махнул удилицем. Оно протяжно ухнуло, крючок и грузило звонко бутыхнулись в море. Следом за ними невдалеке в воду шлёпнулось что-то длинное и толстое. «Померещилось?..» Поплавок вдруг нырнул, леску повело в сторону, Емелька рванул удочку, она изогнулась в дугу, но капроновая нить немного подвинулась ближе. Когда Емелька подтянул леску, то обнаружил на крючке... старый башмак с наполовину оторванной подошвой. Со второго броска тоже клюнуло сразу. И снова что-то тяжёлое волочилось по дну. Это был чемодан ромбообразной формы.

— Что за ерунда! — возмущился Емелька. — Вить, заberi чемодан, золотая рыбка прислала.

«Нет, не померещилось. Оливтянка! Но почему башмак, чемодан? Помочь хочет, но не знает как?.. Так не за что нам помогать. Мы же жгли её... Бред какой-то». Чемодан был

тяжелым. Витя попробовал его открыть, но не мог и волоком утащил на поляну. Согнув лезвие ножа, но так и не открыв чемодан, Витька наконец оставил его и снова продолжал палкой выкапывать червей.

Емелька забросил удочку в третий раз. На этот раз маленький окунёк сорвался с крючка в траву. Емелька выбросил окунька в воду.

— Поплавай ещё, а я покрупнее словлю.

Скоро вокруг поплавка в ознобе задрожала вода. Пора было засекаать. Емелька дёрнул удилице вверх. Леска, свистнув, натянулась, но улов ближе не подвинулся. «Опять зацепилось что-нибудь непотребное?» Емелька медленно подтягивал добычу. Из воды показался обруч мережи. «Какое-то заколдованное место, на крючок всякая ерунда виснет».

Приподняв мережу, чтобы отцепить крючок, Емелька от неожиданности уронил её. Барахтающая внутри рыба забрызгала ему глаза и грудь.

— Ура! Есть рыба! С ведро будет! Ай да золотая рыбка. Сначала почувдила, потом наградила! — закричал Емелька и вдруг застыл с открытым ртом.

Из воды, метрах в пятнадцати от берега, показалась голова с тремя глазами во все лицо. Он сжал веки и покрутил головой. Но когда открыл их, три глаза по-прежнему смотрели на него. Бросив мережу, Емелька рванулся бежать и едва не сбил Витьку.

— Ты куда? — удивился тот.

Емелька оглянулся. Голова исчезла.

— Вить, ты ничего не заметил в воде?

— Нет, кроме какой-то головешки. А с неё клоч водорослей свисает.

Емелька подумал: «Может, и правда, головешка?» Поглядывая на залив, он вернулся за мережей, выволок её на берег, развязал на сетке узел и вытряхнул улов. Солнце уже совсем растаяло в заливе. Ветер лениво встряхивал кусты, разыскивал что-то в траве, расчёсывал воду. Одинокая лягушка квакнула тоскливо и

прислушалась. Выждав немного, ей радостно и поочерёдно с разных сторон ответили ещё три квакушки.

Сухих веток набралось немного. Дрова чадили, но не загорались. Витя подбросил в костёр сухой травы. Огонь вывернулся наверх и весело затрещал. Емелька высыпал очищенную рыбу в закипавшую воду. Котелок задрожал, взлетели горячие брызги. Отскочив назад, Емелька споткнулся о нераскатанный брезент и упал на спину. И тут он увидел, что прямо на них снижается оливтянка, опоясанная тускло мерцающими шарами. Емелька вскочил и попятился назад.

— Витька, ты видел сейчас оливтянку на шарах?

Витька испуганно посмотрел вверх и сердито проворчал:

— Сам ты на шарах. Хватит выдумывать на ночь глядя.

«Тем лучше, что не видел, — подумал Емелька.— А у меня бред. В лёгкой форме. Чем ещё объяснишь? Мне постоянно что-то мерещится, а Витька ничего этого не видит».

— Вить, как ты себя чувствуешь?

— Нормально, а что?

— Трясёт меня что-то... И огонь рядом, а трясёт... Вирусы проклятые! Взялись-таки за меня! Вовремя мы умотали из города.

— Емель, а может быть, у тебя не вирусы? Может, озяб просто?

— Вирусы оливтянские! Простуда так быстро не схватывает... А знаешь, у костра мне лучше. Уха, пожалуй, уже созрела. Начинай хлебать, а я пока кое-что нарисую... За ночь всякое может случиться.

Емелька отрезал кусок брезента, натянул его между двух палок, воткнувших в землю. Долго рылся в костре, выбирая угли. Полил их водой и привялся рисовать на брезенте череп со скрещенными костями. Ниже крупными буквами написал:

«К нам не прикасаться. Заразные. Сжечь на огне. Мы погибли от космического вируса. За справками обращаться к астроному Коркину».

Виктор Обедин. Емельян Чалый».

В самом низу мелким почерком написал домашние адреса. От вида грозной эмблемы Емельку снова заколотила дрожь. Тем временем Витька поставил котелок в воду, чтобы остудить уху. От аппетитного аромата он давился слюной, но терпеливо поглядывал на друга, ожидая, когда тот закончит надпись. Остывшую уху Витька налил в кружку и банку из-под майонеза. Варёво проглотили взахлёб. Закончив ужин, ребята молча принялись готовить постель. Нарезали тонких веток, разложили их, присыпали травой и накрыли зелёный матрас брезентом. Емелька лёг первый. Укрылся концом брезента. Тело чесалось и горело, ноги набухли, ступни саднило. Невероятно хотелось уснуть, но засыпать он боялся: «А вдруг уже никогда не проснусь?»

А сон одолевал. Будто нарочно кто-то усыплял, приказывая: «Спать, спать, спать...» Будто бы над ним стояла оливтянка с расширенными немигающими глазами и шептала: «Спать, спать, спать...» Емелька проснулся от холода. Замер, прислушиваясь к себе. Тело беспокоило только зуд, никакой другой боли не было.

Рядом во сне спокойно посапывал Витька. Емелька обрадовался, что оба они живы, и открыл глаза.

Неожиданно в двух-трех метрах от себя мальчишка увидел прямоугольную дымовую трубу. Он приподнялся на локте, потёр глаза, осмотрелся. «Кажется, я на крыше дома, в котором живу», — удивился Емелька, трогая рукой лоб. Голова была прохладной от утренней свежести. Мальчишка посмотрел вниз. Город уже просыпался. По улицам ходили одинокие прохожие. Вдалеке, возле стройплощадки, где работал отец Емельки, из железобетонных плит кто-то построил большой детский городок. Там были домики с плоской крышей, домики, похожие на двухскатную палатку, домики высокие и низкие, длинные и короткие, многоэтажные и одноэтажные. При входе в городок из брусковых перемычек были выложены слова:

«Емелька и Витька! Не бойтесь меня. Марфа».

— Вить, Вить! Проснись! — толкал Емелька своего друга.

Витька с трудом открыл веки, но тут же снова закрыл их.

— Просыпайся, просыпайся! И посмотри, где мы! На крыше нашего дома! Может, мы уже того, умерли? Ну-ка, ущипни меня.

Витька сел удивлённо, поворачивая голову и вдруг вцепился Емельке в бок.

— О-о-ой! Ты что?! Тихонько нужно, а ты... Соня несчастный! Ты можешь объяснить, как мы попали на крышу?

— А по-моему, это нам только чудится, что мы на крыше. Бред это у нас!

— Да не может он быть одинаковый. У тебя и у меня. Посмотри-ка вниз! Видишь надпись?

— Ну, вижу...

— Давай, пока город не проснулся, бежим к Ванваньчу. Теперь он уже должен быть дома.

Ребята торопливо вылезли из-под брезента. Все их вещи, даже чемодан, выловленный на червя, лежали рядом. Емелька полез в слуховое окно на чердак. Витька следовал за

ним. По чердаку пробирались на ощупь. Но скоро глаза привыкли к полумраку. Дверь на лестницу оказалась запертой. Ребята попробовали вдвоём с разгону высадить её — не поддалась.

— Может, по верёвке спустимся? — предложил Витька.

— Тонковаты они... Хотя их тут много, можно сплести вдвое, втрое...

Так и сделали. Канат, сплетённый из нарощенных верёвок, привязали за стропилину, а конец выбросили на крышу в слуховое окно. Выбрались на крышу.

— Скульптуры нет на плитах. Не её ли это работа? — кивнул Витя на городок из плит. — И то, что мы здесь, тоже, как видно, её работа. Больше некому. Похоже, что ей не страшен огонь...

— Проснулся наконец! Ну, давай спускаться. Чур, я первый.

Придерживаясь за канат, Емелька сполз к свесу крыши. Избегая смотреть вниз, он опустил ноги за свес, повис на руках и, нащупав канат ногами, стал медленно скользить вниз...

Неожиданно ступни потеряли опору: канат оказался коротким. Емелька посмотрел вниз. До тротуара оставалось метра два. Съехав по канату ещё ниже, он разжал пальцы и полетел к земле... Ноги не достигли опоры, когда он ударился обо что-то мягкое.

— Карауу-у-у-у! Гра-абят! — закричал из-под Емельки мужской голос.

Мальчишка вскочил, метнулся в сторону, свернул за ближайший угол и помчался вдоль улицы.

— Стой, пострел! Всё равно догону! — услышал он за спиной охрипший от злости голос. Мужчина догнал его.

В отчаянии Емелька закричал:

— Не трогайте меня, я заразный!

— Я те щас покажу заразного, я те щас покажу! В жизни больше не будешь кидаться на прохожих!

— Стойте, говорят вам! Я же убегу! Только не прикасайтесь! На мне смертельная бацилла. Послушайте сначала...

— Ну, уж сначала я надеру тебе уши! Вместе с бациллой надеру!

Мужчина больно ухватил Емельку за плечо.

— Дерите уши, бейте! Только побыстрее! И сведите меня в больницу.

— Не в больницу, а в милицию, — сердито дёргая мальчишку за ухо, сказал мужчина, — чтобы отцу вцепили штраф, а он уж тебе вцепит.

— Я сказал, в больницу! Не поведёте, кусаться буду!

— Я те укушу! Иди, иди!

В милиции за столом сидел капитан, дежурный по отделению, а сбоку, с журналом в руках, — лейтенант.

— Вот, привёл вам субчика, — отдышавшись, сказал мужчина. — С крыши на верёвке спускался. Воровал небось на чердаке бельё или голубей. А может, меня хотел обобрать. Как прыгнет на меня с высоты, даже с ног сбил! А какую ахинею мне по дороге нёс... Так что вы тут разберитесь с ним, а я, с вашего позволения, побегу на работу. Опасываю уже...

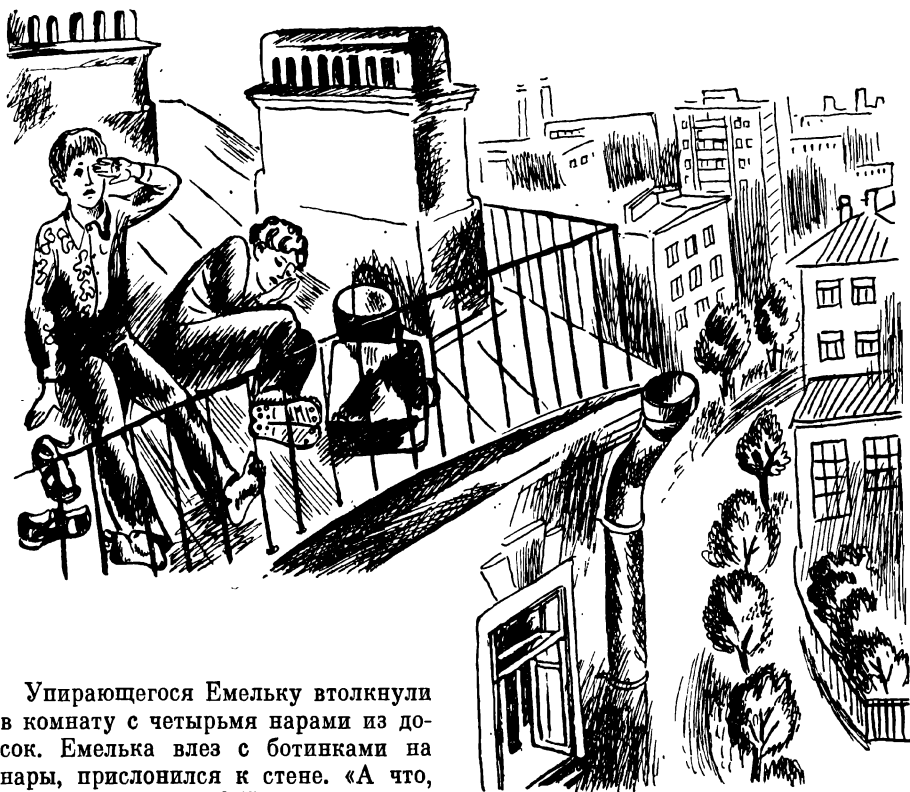
Мужчина ушёл. Капитан какое-то время пристально рассматривал мальчишку. Емелька не отвернулся. Дежурному, как видно, что-то понравилось во взгляде мальчишки. Он дружески предложил:

— Садись и рассказывай всё по порядку.

Емелька начал торопливо, перескакивая с события на событие. Но, заметив, что его внимательно слушают, даже не перебивают, он воодушевился, стал рассказывать подробнее, чтобы не пропустить ни одной, может быть, важной детали. Но едва мальчишка произнёс фамилию астронома Коркина, дежурный странно переглянулся с лейтенантом. Поискав что-то глазами на столе под стеклом, капитан переспросил:

— Коркин, говоришь?... Тогда всё ясно. Помнишь, Коля, по смене кое-что передавали о нём? Тут вот и явление от него лежит, — глядя на лейтенанта, кивнул он головой на стол. — Позвони Чалым, пусть приходят за мальчишкой. А я его пока под замок посажу.

Упирающегося Емельку втолкнули в комнату с четырьмя нарами из досок. Емелька влез с ботинками на нары, прислонился к стене. «А что, если отца нет дома? Если он всё ещё ищет меня? И потом, если он тоже не поверит? Срочно нужен Ванваныч!»

Емелька бросился к окну. Распахнув его, ухватился за прутья решётки, со всей силы потряс её. Но металл даже не шелохнулся. Снаружи над окном он заметил опускающиеся ступни ног. Отпрыгнув назад, парнишка упал на пол. В проёме окна, придерживаясь за прутья, встала оливьянка.

— Мальчик, не бойся, — голосом взрослой женщины сказала она. — Ты меня спас, вытащил из песка, подогрел, я тебя тоже освобожу. Отец и мать давно ищут тебя.

Емелька испугался, открыл было рот, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, но передумал.

— Ты Марфа? — спросил он.

— Да... Говоря по-вашему, Модель Автобиологического Робота Фосгалактического Аспекта. Сокращённо — МАРФА.

Упершись ногами в подоконник, она потянула на себя решётку. За-

трещала и осыпалась штукатурка, кирпич выкрошился. МАРФА отлетела назад и, бросив решётку вниз, вернулась в проём окна. Внезапно на её теле, чуть ниже пояса, несколько цветных шариков раздулись до величины футбольных мячей. Оливьянка стала похожа на цветок.

— Садись, — показала МАРФА на лепестки из шаров. — Не мысли плохо. Всё будет хорошо, как ты захочешь.

«Сильная какая... А глаза у неё добрые», — размышлял Емелька, усаживаясь на тёплые шары. Ладони он положил на плечи МАРФЫ. Она плавно, легко взлетела. От утренней прохлады, возбуждения и страха Емельку лихорадило. МАРФА быстро летела метров на тридцать выше самых высоких зданий. Емелька с опаской поглядывал сверху на пустынную площадь, на знакомые скверы и улицы. Внезапно потемнело и

наступила непроглядная тьма. Парнишка испуганно закричал:

— С глазами что-то. Я ничего не вижу!

— Ах да! У вас зрение устроено по-другому. Сейчас улажу, спокойно, мальчик. Свет это что? Поток фотонов — световых волн. Все предметы и тела частично поглощают их, а частично отражают. Чтобы стать невидимой, я делаю так, чтобы потоки световых частиц огибали меня. Если убавить напряжение поля, ты снова будешь видеть. Ну, как теперь?

— Уже немного вижу.

— Пока достаточно. Вчера я убедилась, что лучше быть невидимой...

— Это ты нам подбросила мережу?

— Да, и башмак и чемодан. Потом догадалась, что вам рыба нужна. Усыпила вас тоже я. Так нужно было. Теперь помолчи. Не мешай работать.

Витя всё ещё сидел на крыше, плечи его вздрагивали. Он плакал, размазывая по грязным щекам слёзы... Емелька прокричал ему сверху:

— Вить, подожди ещё немного, спешу к Ванванычу, скоро вернусь!

Витя поднял голову на голос. Но, увидев лицо друга, прозрачное, как призрак, он заплакал ещё сильнее...

МАРФА послушно снизилась на то место, куда Емелька показал рукой. Вскочив на ноги, Емелька топливо попросил:

— МАРФА, подожди меня здесь, хорошо? Я быстро. Обещаешь?

На третий этаж мальчишка взбежал с такой скоростью, словно за ним гналась свора волков. На длинный звонок у астронома никто не отозвался. Тогда парнишка, не жалея кулаков, забарабанил в дверь. В квартире наконец послышались шаркающие шаги. Дрожавший женский голос испуганно спросил:

— Кто там?

— Ванваныч дома?

— Это снова ты, мальчик? Иди сейчас же домой! Спать тебе ещё нужно, а ты в такую рань баламутить!

— Откройте! Ну, пожалуйста! Беда! Срочно нужен Ванваныч!

— Какая ещё беда? Марш домой, пока я тебя в милицию не сдала!

Емелька бросился вниз. У парадной оливянки не было. Но вдруг она возникла на том же месте, где Емелька её оставил.

— На третий этаж сможешь подняться?

— Как ты хочешь.

— Тогда неси меня. Второе окно от угла.

Одна створка оконного переплёта была приоткрыта. Емелька толкнул её внутрь и сошел на подоконник. Услышав шум, Коркина подняла голову.

— А-а-а-а! — заорала она, толкая Ванваныча в бок. Тот резво сел, потряс головой, отгоняя сон. Ощувив на своей руке дрожащие пальцы жены, спросил:

— Опять страшный сон приснился?

Не спуская с окна взгляда, Коркина мотнула туда головой.

— А, Емелька! Входи, входи! Ты нашёл пришельца?.. Вот и чудненько, вот и ладненько!

— Там же окно, — испуганно прошептала Коркина.

— Окно? Да! Почему же ты не пришёл в дверь?

— Дверь заперта.

— Резонно, резонно! Тогда можно и в окно.

— Что ты мелешь, мы же на третьем этаже, — сказала Коркина.

— Ванваныч, беда! Я нашёл оливянина и трогал его... И друг мой трогал. Мы с ним заразились вирусом, а от нас ещё кое-кто!

— Похвально, что нашёл, а что трогал — плохо. Но не бойся, мальчик. Никакого вируса на космонавте не может быть. На Оливии высоко-развитая цивилизация, и оливяне, конечно же, подвергли своих посланцев тщательной дезинфекции...

Емелька пошатнулся.

— Но вы же сами...

— Ну, мало ли!.. Это я для профилактики, чтобы вы не трогали пришельца.

В досаде Емелька отвернулся. Нога проскочила опору, потянула его за собой. Мальчишка уцепился за

створку, но не удержался и полетел
вниз...

КОГДА Емелька пришёл в себя,
он увидел над головой овальную
лепную розетку и знакомую, в че-
тыре рожка, люстру. Посмотрел
вбок — рядом сидел Витя. А с се-
редины комнаты немигающими гла-
зами смотрела МАРФА.

— Ну как, очнулся? — обрадовал-
ся Витя.

— Нормально вроде... Голова толь-
ко болит...

— Это пройдёт. Могло быть хуже,
если бы не МАРФА. Это она тебя
подхватила, когда ты вывалился
из окна. И меня сюда приволокла.
Смотрю — ты лежишь, как мёртвый.
Я стухнул, но МАРФА, вот, успо-
коила. «Всё будет, как ты хочешь», —
говорит. И действительно, ты
сразу открыл глаза... Что будем де-
лать?

— Не знаю... Ванваныч обманул
меня. Дудки теперь он получит
МАРФУ!

Неподвижная, как статуя, олив-
тянка зашевелила губами:

— Хорошо говоришь, мальчик!
Взрослые не должны обо мне знать.
Так лучше для землян. Иначе —
быть катастрофе.

В соседней комнате застучали
чьи-то каблуки.

— Атас! — тихо сказал Емель-
ка. — Витя, ложись ко мне! Мы
спим. МАРФА, исчезни!

Послышался голос отца Емельки:

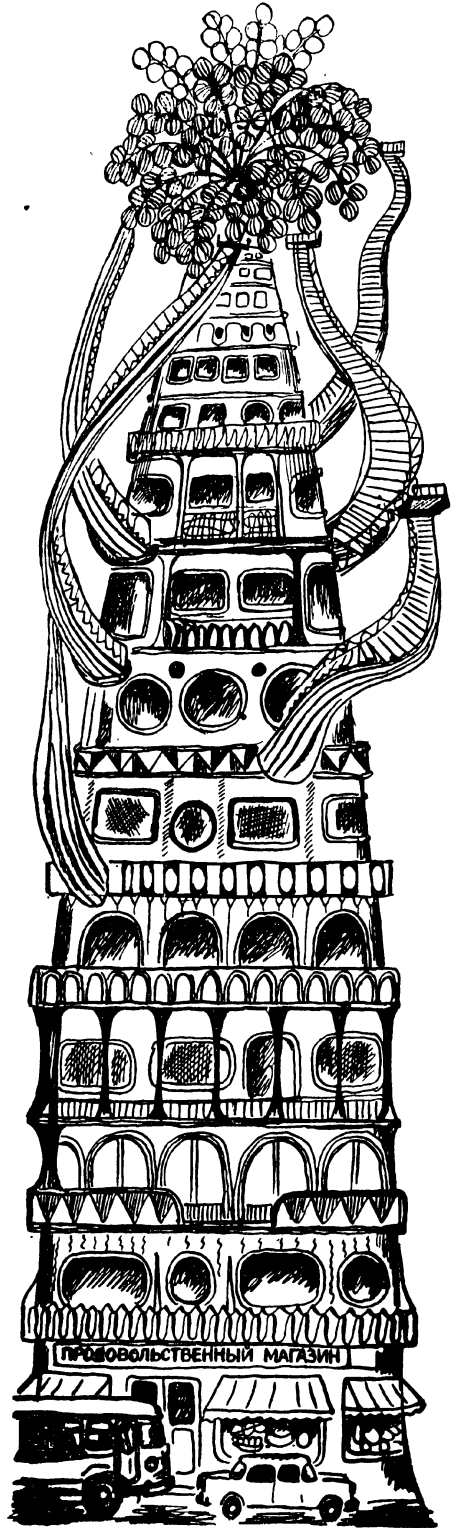
— Оба здесь. Позвони Обединым,
а я с ними поговорю. — Ну, что же
ты мне, Емельян, скажешь? — спро-
сил отец, входя в комнату.

Мальчишка смутился. Он вспом-
нил предупреждение МАРФЫ:
«Взрослые не должны знать обо
мне... Иначе — быть катастрофе».
Внезапно в ухо Емельки подуло
теплом и голос МАРФЫ прошептал:

— Разрешаю. Говори, как ты хо-
чешь. Взрослые пока тебе не пове-
рят.

Мальчишка приободрился и сжа-
то рассказал отцу о приключении
с МАРФОЙ.

— Всё? — спросил отец, когда

мальчишка замолчал, прислушиваясь, не шепнёт ли МАРФА ему что-нибудь ещё.

— Всё...

— Звучит правдоподобно... А теперь скажи, где же сейчас МАРФА? Молчишь? Так я и думал, что всё это фантазия... Давай-ка разберёмся по порядку. Ты вешишь тридцать семь килограммов, пусть МАРФА столько же. Чтобы вам взлететь, нужны шары побольше футбольных в двадцать-тридцать раз. Да и то, если они наполнены каким-нибудь лёгким газом. Ведь так? А теперь давай разберёмся — кто же выломал решётку там, в милиции? Ты настаиваешь — МАРФА?.. А вот капитан, дежурный по милиции, показал мне под окном следы от колёс автомашины. Шофёр, как видно, хотел освободить своих дружков, да только перепутал окно и выдернул тросом решётку в твоей камере. В общем, следовало бы тебя отшлёпать за баловство и выдумки, да время на работу идти. Ложитесь спать. А твоих родителей, Витя, мы предупредили, что ты у нас...

Чалый ушёл. Мать Емельки приложила тыльную сторону ладони к голове сына.

— Температуры нет. Должно быть, переутомился. Поспите... Завтрак на кухне. Я побежала на работу.

Когда взрослые ушли, МАРФА тут же появилась, будто на фотографии, и сказала:

— Ухожу. Возьмите с крыши чемодан. Там людям подарок. Орех. Земляне много сил и средств тратят на строительство зданий. А если этот орех посадить, из него за лето вырастет огромное дерево-дом. Он будет похож на земной бамбук, только намного толще. Каждая перемычка — этаж. А их будет двадцать-тридцать. Мощные листья — лесенкой. По ним можно забираться,

чтобы собирать плоды. Соберёте их и опять посеете. Следующим летом вырастет у вас целый город-сад. Деревья-дома будут расти и в последующие годы. Только медленнее. Растёт семья — растёт и площадь. Это дерево — одна из лучших биологических конструкций нашей цивилизации. Вот тогда вам уже все поверят. Но лучше, если это произойдёт после моего отлёта.

— Ты к нам прилетела из-за этого подарка? — удивлённо спросил Емелька.

— Нет. Для вас это сложно. Но попробую объяснить... Космическая материя, из которой состоят планеты и звёзды, пульсирует. Она то сжимается до плотного ядра, то от мощного взрыва разлетается... На этот процесс уходит настолько много времени, что его вам трудно даже представить. Сейчас космическая материя разлетается. По пути рождаются звёзды, планеты, галактики. На планетах зарождаются и развиваются цивилизации. Потом начнётся процесс сжатия материи до ядра, это может привести к гибели всех планет. Жители нашей планеты хотят спасти цивилизацию от гибели. Мы ищем информацию, которую оставила в космосе цивилизация, погибшая в прошлом цикле сжатия. Они открыли способ, как спастись от этого цикла. Только на выполнение проекта у них не хватило времени. Сейчас важно разыскать эту информацию и расшифровать её. Времени пока достаточно, и мы непременно найдём этот клад, оставленный братьями по разуму. И тогда я вернусь к вам. Теперь поняли?

— Поняли, — почему-то шепотом ответили мальчики.

— Тогда прощайте. Тороплюсь! — сказала МАРФА и скрылась из глаз.

ВСЕСОЮЗНЫЙ День физкультурника страна встречает нынче в разгар подготовки к XXII Олимпийским играм, которые состоятся в 1980 году в столице нашей Родины — Москве. В столице, да и в других городах страны строятся спортивные сооружения, гостиницы, прокладываются новые дороги. Готовятся к Олимпиаде-80 и у нас, в Ленинграде и области.

Как вы знаете, за последние годы возникла традиция: каждая Олимпиада, помимо эмблемы, имеет ещё и свой символ-талиман, в Мюнхене это была такса, в Монреале — бобр. Талисманом московской Олимпиады предлагали избрать и сказочных героев: Конька-Горбунка, Колобка, Чебурашку и самых разных зверей: белку, соболя, зайца, лося... Около 40 тысяч писем с подобными предложениями получила редакция телевизионной передачи «В мире животных». И тогда выяснилось,

что большинство голосов отдано медвежонку.

А писатель Вадим Круговов уверен, что и сами звери, населяющие наши леса, выбрали своим посланцем именно медвежонка, как это часто бывает в сказках. О том, как это происходило, вы прочитаете ниже.

Кто же нарисует самый удачный портрет олимпийца Миши! В конкурсе участвовало много художников. А победил москвич Виктор Александрович Чижиков. Юным читателям приятно было это узнать: ведь Виктор Александрович — давний друг детворы, его рисунки часто можно встретить в журналах «Мурзилка», «Весёлые картинки», на страницах многих детских книг. О своей работе он сейчас расскажет вам сам.

Итак, читайте о приключениях Миши-олимпийца в сибирской тайге и в мастерской художника.

Вадим КРУГОВОВ

Найди своё имя

ЧТОБЫ ТРИ МЕДВЕЖОНКА выросли сильными, умными и добрыми, медведица учила их плавать в могучих потоках реки Енисей, рыбу ловить в быстрых струях реки Лены, а пить советовала только добрую воду озера Байкал. Медвежата плавали, ловили рыбу, пили воду, росли и забот не знали.

Но вот однажды медведица позвала своих детей и сказала:

— Вот вы и большими стали. Пора вам в тайгу идти, имя себе искать. Тайга их много знает, а даёт одно. По достоинству и заслугам. Помните, для зверя украшения дорожке нет, чем имя.

Махнула медведица лапой, и побежали её медвежата. Бежали они, бежали, шли они, шли, смотрели и слушали, имён не встретили и остановились, призадумались: «Может, наши имена дождь смыл? Может, птицы их унесли?» Стали оглядываться. Глянули вверх — белка грибы на сучки насаживает, глянули вниз — муравьи закупоривают входы-выходы своего большого города — и поняли: зима идёт. Два медвежонка постелили сухой травы на дно ямок, легли и ветками себя накрыли, а третий в лунку лёг, лапой голову накрыл и крикнул братцам:

— Знать, шкура у вас тонкая и шерсть редкая, если так зимы боитесь.

Пришла зима. Снега на тайгу набросила. Мороз дохнул так, что деревья затрещали. Спал медвежонок в лунке под снегом и радовался: «Хорошо мне! Правильно, что не строил берлогу». Промчалось стадо оленей над ним, копытами по шкуре пробарабанило так, что он от боли вскрикнул и выскочил из-под снега. И стал медвежонок шататься по белому безмолвью, белое море бороздить. Оказался он в сосновом

бору и увидел на сосне-великане орлиное гнездо. «Вот где меня никто не достанет!» — обрадовался он и полез по сосне.

А два его братца крепко выпались в своих берлогах, а как теплом повело, проснулись, потянулись, скинули ветки и поздоровались друг с другом:

— Добрая весна!

Потом медвежонок с васильковыми глазами первым делом в лунку заглянул, а там никого.

— Ёлки-палки! Наш братец пропал!

Стал он по поляне бегать, по кустам шарить, следы искать. А второй медвежонок заметил муравейник и ну его ворошить-рушить. Первый брата останавливает: «Не там-де ищешь, только дом муравьиный портишь», а тот и слушать не хочет — весело ему. Вцепились муравьи в нос обидчику, глаза облепили и давай кусать.

— Ой! Горю я! — закричал медвежонок от боли и залез на высокий кедр. — Горю-ю-ю!

И в ответ эхо лесное откликнулось именем:

— Горю-ю-н он! Горюн.

Услышал медвежонок на кедре имя своё и так обрадовался, что на землю свалился, стал по земле кататься и кричать:

— Ура! Теперь есть у меня имя. Теперь не потеряюсь и не пропаду!

— Что-то не нравится мне твоё имя, — сказал медвежонок с васильковыми глазами. — Может, пока брата ищем, ты себе и другое имя, получше, подберёшь?

— У тебя и такого нет, — обиделся Горюн и помчался к реке муравьёв смывать.

ПОДЛЕТЕЛА ОРЛИЦА к своему гнезду и увидела медвежонка.

— С каких пор, — возмутилась она, — медведи в гнёздах спят? В берлоге надо спать, а не по тайге шататься. Вставай, шатун!

И эхо лесное именем откликнулось:

— Шату-ун! Шату-ун!

— Шатун я и есть! — обрадовался медвежонок. — Не приставай ко мне, с Шатуном шутки плохи.

— Я шутить с тобой не буду! — рассердилась орлица. — Выметайся подобру-поздорову. Мне птенца высиживать надо.

— А мне не к спеху...

— Тебе! Сразу видно — проспал всё на свете. В Москву скоро со всей земли гости приедут, спортсмены. Большой праздник будет: О-лим-пи-а-да! И мой орлёнок там самым главным будет — всех гостей встречать-привечать станет!

Услыхал такое Шатун и мигом с сосны скатился.

— Эх ты, глупая орлица! Пока твой птенец скорлупу продолбит, я сам стану хозяином праздника!

Орлица только усмехнулась: разве такой невежа и хвостун красавице Москве нужен?

Кинулся Шатун бежать, а навстречу ему братцы — это медвежонок без имени его по следам нашёл.

— Ёлки-палки! Стой, пропавший! Куда ты спешишь?

— Некогда мне лясы точить, — важно ответил Шатун. — Иду, чтобы хозяином праздника быть. В Москве. Я буду гостей встречать, всех угощать, победителей поздравлять.

— Почему ты, а не я? — спросил Горюн.

— У меня имя есть, — сказал Шатун.

— У меня тоже, — гордо заявил Горюн.

— Да ну?! — от удивления Шатун остановился. — Какое?
— Горюн!
— Ха-ха-ха! Да с таким именем только слёзы лить, а не на празднике веселиться.
— Ах так! — обиделся Горюн. — Ещё посмотрим, кому слёзы лить. Давай бороться! Кто победит — тому и в Москву идти.
— Давай! — обрадовался Шатун и приготовился к борьбе. А медвежонок с васильковыми глазами попросил судить борьбу. Понял судья, что лес затрещит, увидел на деревьях зарубки и предупредил братцев:
— Хотите силой мериться, так делайте это с пользой. Кто начнёт в стороне от зарубок бороться, тот проиграл.
Схватились Шатун и Горюн и начали между зарубками кататься, спинами и боками деревья валить. Валили они, валили, целую просеку для строителей дороги сделали и на сопки выкатились. Уморились — не до побед уже. Решили и дальше вместе идти, а там дорога покажет, кто сильнее. Шли они, шли и к станции вышли. А там люди брёвна и доски в вагоны грузят. Увидели они мохнатых силачей и обрадовались.

— Вот кстати пожаловали! У нас тут кран из строя вышел. Подсобите-ка нам побыстрее лес в Москву отправить. Там столько ещё для спортсменов надо построить.
— Не-е,— Шатун и Горюн отвечают. — некогда нам. Сами в Москву торопимся, прощайте!
А медвежонок с васильковыми глазами остался. Доски в пачки вязал, наверх таскал, брёвна в вагоны закатывал. Пока всё не сделал — не ушёл.
— Ай да помощник! — сказали люди — Садись-ка в поезд — быстро в Москве будешь.
— Спасибо,— ответил медвежонок,— только не могу я братьев в пути бросить.

— Что ж, верно решил,— сказали люди. — Спасибо и тебе, Миша!
И эхо лесное именем откликнулось:

— Миша-а-а!

Нагнал Миша братьев на берегу широкой реки. Осмотрелся и стал плот вязать. А Шатун другое придумал. Сташил он две сети у рыбаков и предложил Горюну:

— Давай соревноваться. Кто выловит добычу крупнее, тот на другой берег поплывёт.

Тогда Горюн подумал хитро: «Брошу сеть первым, и крупная рыба моя будет!» Схватил он торопливо сеть, раскрутил над головой, а она за коготь зацепилась, вокруг туловища обмоталась. Хотел он выпутаться, да ещё больше запутался и упал.

— Ага, проиграл! — заликовал Шатун и свою сеть далеко-далеко забросил. Потянул её — не тянется! Вокруг лапы конец обмотал, потянул — не тянется!

— Вот это рыбина!

— Где? Что-то не видать,— огрызнулся Горюн.

— Сейчас вытяну и увидишь!

Пока они спорили, пойманная рыба пришла в себя от испуга, плавники расправила и так рванула, что потянула за собой рыбака. Хотел Шатун выбросить сеть, да не тут-то было! Обмотанная вокруг лапы, она ещё крепче затянулась.

— Спасите! — закричал он. — Уносит!

Выбежал Миша из бухты, где плот вязал, да поздно! Ускользнул Шатун на задних лапах по реке, как на водных лыжах. Долго тянула рыба Шатуна. Только перед каменным берегом круто развернулась, прорвала сеть и ушла на волю. А Шатун покатился по валунам, ойкая, у камышей замер и стал в уме синяки считать. Вдруг услышал он хриплое покашливание, открыл глаза и увидел над собой волка. Спросил:

— Где я?

— Далеко,— ответил волк.

Шатун, кряхтя, поднялся на лапы и заявил:

— Мне пора.

— Вам некуда идти,— сказал волк.

— Прошу с Шатуном не шутить. Он этого не любит.

— Я с ним не шучу. На острове мы,— грустно ответил волк.

Шатун обежал берег острова и пригорюнился: неужели даже Миша его отсюда не выручит?

ОСВОБОДИЛ МИША ГОРЮНА от сети, на плот усадил, и поплыли они на другой берег. Над ними облака столпились, перекатываются друг через друга, дождём сыплют. Горюн плашмя на брёвна лёг и когтями в них вонзился. А небо всю разворчалось, языками молниями стало воду лизать из реки. Миша на руль-весло навалился, начал им проход между волнами разгрести. А те разбушевались, вот-вот плот развалят.

— Прыгай! — крикнул Миша Горюну. — До берега доплывём, он недалеко уже.

— Не цепляйся! — орёт Горюн. — Хорошего медведя потопишь!

Брёвна под Мишей совсем разошлись. Делать нечего, прыгнул он и поплыл. Доплыл Миша до берега, отряхнулся и увидел, что стоит перед оградой каменной — Уральскими горами. Увидел он сокола в поднебесье и окликнул:

— Сокол, сокол! Где мои братцы? Видишь ли их?

— Называй имена, имена называй! — прокричал сокол.

— Шатун и Горюн,— ответил Миша.

— Вижу их, вижу. Ух, как далеко они! Шатун на острове посреди реки. Рядом волк. Серый. Второй братец на брёвнах пластается, Горюн. Выдернуть когти не может. И плывёт по течению в Северный Ледовитый океан. Там станет белым. От снега. Если никто когтей из брёвен не поможет выдернуть...

— Спасибо, сокол! — крикнул Миша и побежал братцев выручать.

БЕЖАЛ ОН, бежал и не заметил, как оказался в кругу зверей.

— Как тебя зовут? — спросил его великолепный олень.

— Миша, — ответил бурый медвежонок с васильковыми глазами.

— Наслышались мы о тебе,— произнёс олень и спросил зверей: — Доверим Мише на Олимпиаде в Москве всех нас представлять?

— Доверим! — дружно закричали звери. — Доверим! Он имя хорошее нашёл. Он силу и ум показал. Он добрый. Помочь готов каждому. И не унывает никогда.

— Решено, Миша! — сказал олень. — Все тебя выбрали. Иди в Москву. Там тебе большая работа предстоит. А где сам не поспеешь — художники тебе помогут: нарисуют твоих двойников на открытках, плакатах, значках, чтобы всем гостям память была.

— Да, но ведь братцы помощи моей ждут,—развёл лапками Миша.

— Помочь твоим братцам мы сами поможем, не беспокойся, а ты иди,— сказал олень.

И загрохотали пласты уральские, раздвинулись, и появился длинный туннель, а там, за горами, за долами, засияла навстречу Мише красавица Москва...

Рис. Е. Фёдорова

Н. ЕГОРОВ

С О В А

*На старом болоте
Среди камышей
Всю ночь не спала я —
Ловила мышей.
Домой прилетела,
А дятел-сосед
Жучков добывает
Себе на обед.
Стучит и стучит он,
А я не усну.
— Нашёл бы ты, дятел,
Другую сосну,
Иль тёмною ночью
Среди камышей
Ловил бы ты тихо
Со мною мышей!*

Рис. Н. Нефёдова

Как Миша ко мне пришёл

Этого медвежонка, Мишу-олимпийца, первым увидел я. Вы с ним знакомы уже давно. Я, когда увидел этого медвежонка, был с ним абсолютно незнаком. Увидел я его во сне.

Да, когда работаешь над созданием какого-либо образа для книги, для журнала, этот образ начинает тебе сниться. Со мной, по крайней мере, так часто бывает.

Работа над образом Миши-олимпийца была очень упорной и интересной. Мне было ясно, что, во-первых, Миша должен быть симпатичным, приветливым и гостеприимным. Как «хозяину» Олимпиады-80 ему предстоит приглашать к нам в гости и спортсменов, и туристов из многих стран мира. Во-вторых, он должен быть спортивным медвежон-

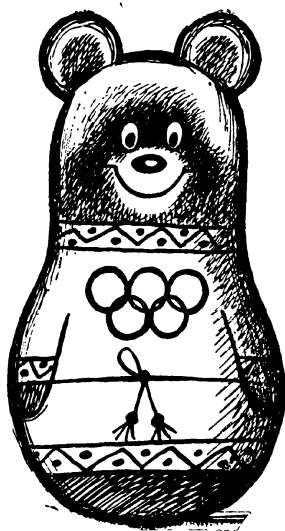
ком, ведь к спорту он имеет самое непосредственное отношение. И наконец, он должен легко превращаться в куклу, газетно-журнальный рисунок, скульптуру и т. д.

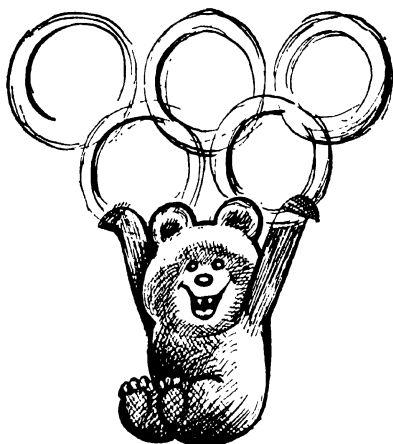
Поиски образа начались ещё в апреле 1977 года. Начались они, как это часто бывает, с вариантов, очень далёких от окончательного решения.

Сначала я решил сделать медвежонка по принципу матрёшки, чтобы один медвежонок вкладывался в другого. От этого решения пришлось отказаться, так как невозможно было сделать мягкую игрушку, кроме того, медвежонок не был похож на спортсмена.

Потом была попытка сделать медвежонка гимнастом. Хотелось, чтобы он выполнял упражнения на олимпийских кольцах. Забраковал я и этот вариант: непонятно, то ли он повис, то ли выжимал эти кольца, как штангу. Возникали другие, многие и многие эскизы, пока я не пришёл к выводу, что мне надо сделать такого медвежонка, который был бы уже как бы эскизом мягкой игрушки. Я пошёл по этому пути.

Медвежонок на моих эскизах стал обрывать шерсткой, появилось лукавое выражение мордочки, определилась его поза. Оставалось только

одно — показать, что он имеет отношение к Олимпиаде-80. Вот тут-то мне и приснился мой медвежонок с олимпийским пояском. Я моментально проснулся, схватил карандаш и нарисовал эскиз, который уже почти не отличался от окончательного варианта. Взглянул на часы — было 3 часа ночи.

Оргкомитету Олимпиады-80 рисунок этот понравился, он был официально утверждён как талисман предстоящих игр, а 20 декабря

1977 года был опубликован во всех газетах.

С тех пор медвежонок регулярно появляется на страницах газет и журналов, в некоторых изданиях он стал постоянным героем. Будут сделаны игрушки-сувениры, скульптуры из различных материалов, короче, Мишу ждёт интересная, разнообразная жизнь.

Сейчас, когда он вышел из стен моей мастерской, мне хочется сказать ему:

— Счастливого пути, Миша!

Йонас ШИОЖИНИС

Собиратели вишен

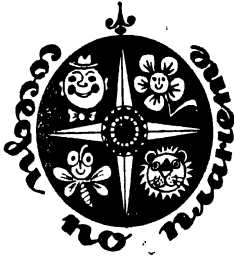
*Срок пришёл: чернеют вишни.
Чёрный дрозд, наш друг
давнишний,*

*Между веток суетится,
Нас нисколько не боится:
Ведь и нам, как дроздам,
На деревьях — благодать.
Как дроздам, сладко нам
Вишни чёрные клевать!*

Перевёл с литовского
Михаил ЯСНОВ.

Рис. Н. Нефёдова

Юрий КАЛИНИН

Яблоко дружбы

Это была наша яблоня, нашего двора. Она и раньше была наша, но не в том смысле. И помог тут случай... Росла она напротив нашего дома, почти на самом тротуаре, и каждую весну цвела. А когда на ней завязывались плоды величиной с напёрсток, мы немедленно обирали её начисто. И зорко следили за тем, чтобы ни один плод не доставался мальчишкам других дворов. Из-за этого у нас с ними происходили шумные стычки и потасовки.

Плоды были жёсткие, кислые, от них сводило скулы и слезились глаза, но, преодолевая оскомины, мы съедали их без остатка. Вовка — наш дворовый вожак — говорил, даваясь:

— Этими яблоками косоглазие лечить нужно!

Мы согласно кивали головами, но ели,

Так было и до нас. Яблоню трясли, оббивали палками, камнями. На тротуар летели зелёные, твёрдые, как деревяшки, плоды, оборванные попутно листья и даже ветки. После налётов яблоня стояла поникшая, общипанная, жалкая...

А случай тот из-за меня произошёл.

Однажды осенью — я уже начал ходить в шестой класс — возвращался я из школы. Домой не шёл, а вприпрыжку полубежал, болтал портфелем и глазел по сторонам. Проскочил было под яблоней и вдруг остановился. На дереве краснело бочком большущее яблоко! Я даже сам себе не поверил, чтобы такое яблоко могло провисеть незамеченным. Убедившись, что яблоко мне не приснилось, я бегом побежал во двор. Через минуту вся наша ватага высыпала на тротуар. Вовка встал с кепкой в руке.

— Давай! — сказал он.

Мы дружно трянули дерево. Спелое яблоко тотчас оборвалось, и Вовка кепкой, как сачком, ловко подхватил его.

— Чур, на всех! Чур, на всех! — закричали мы.

В подъезде, под лестницей Вовка разрезал яблоко на дольки и дал каждому по одной. Мы одновременно съели их, и блаженство разлилось по нашим лицам. Яблоко было вкусным, сладким и ароматным.

— Эх! — сказал Вовка. — Вот бы все дозрели!.. — И тут же пригрозил: — Летом кто сорвёт — бока наломаю! Ясно?

Мы дружно согласились.

С тех пор прошло много лет. Мы уже давно стали взрослыми, а традиция осталась. Раскудрявилась наша яблоня, разрослась. По весне так же пышно цветёт, а осенью мальчишки организованно снимают с неё урожай своих яблок. Ведь давно известно, что свои яблоки — самые вкусные.

И что самое удивительное — яблоня примирила мальчишек нашего двора с мальчишками других дворов. Осеннего урожая хватало на всех.

Рис. Г. Моисеевой

ПОТАПЫЧ

Давно это было, ещё до революции. В небольшом городке жил Матвей Орлов, молодой широкоплечий парень. Рядом с его домом находился цирк. Второй сезон Матвей работал в нём конюхом. Он очень любил лошадей да и всех остальных животных. И была у него мечта — хотел он стать дрессировщиком.

Однажды воскресным утром отправился Матвей на «птичий» рынок, где продавали всевозможную живность. Здесь были маленькие кудрявые болонки и подстриженные под льва пудели, сторожевые и охотничьи собаки всех окрасок. На столах стояли аквариумы с декоративными рыбками. В середине рынка торговали хомяками и кроликами.

Но самым интересным было место у забора, где под высоким тополем толпа глазела на диких зверюшек. Здесь суетливо лазили по плечам своего хозяина две маленькие обезьянки, они смешно корчили рожи любопытным. В колесе бежала белка. Жалобно попискивали два лисёнка в углу клетки, прижавшись друг к другу. А рядом стоял маленький бурый медвежонок. Он был привязан огромной цепью к большому

дереву. Когда кто-нибудь протягивал ему конфету, он аккуратно брал её губами, придерживая мохнатой лапой.

Матвей пробился сквозь толпу, сел на корточки и погладил малыша по густой жёсткой шубе. Медвежонок забрал его палец в рот, заурчал и, причмокивая, начал сосать его. В толпе засмеялись:

— Ишь ты, молока небось хочешь...

Матвей посмотрел в глаза зверёныша. Они были по-детски доверчивы. Матвей встал, а медвежонок прислонился к его ноге и поднял голову, вопросительно вглядываясь в его лицо. Матвей не выдержал, рука невольно скользнула в карман пиджака, и он спросил у хозяина, бородатого мужчины в кирзовых сапогах:

— Сколько?

Провожаемые толпой, широкоплечий парень и маленький медвежонок вышли из ворот рынка и направились в сторону цирка.

Медвежонок получил кличку Потопыч. Он оказался очень способным к дрессировке. Его не надо было принуждать репетировать. С каким-то любопытством он осматривал всё

новые трюки. Старые артисты предупреждали: «Зверь прежде всего должен бояться дрессировщика, тогда он будет всё выполнять и не причинит вреда». Но Матвей обходился на репетициях без всяких палок и вил.

Потапыч вырос крупным медведем. Когда он стоял на задних лапах, то был на голову выше своего хозяина. Номер Матвея пользовался неизменным успехом, особенно когда в конце Потапыч лихо отплясывал барыню.

Прошло несколько лет. Всё в жизни Матвея складывалось удачно. Но однажды произошёл случай, который резко изменил его судьбу. Обычно, начиная гастроли в новом городе, директор цирка приглашал на премьеру представителей городской власти, в том числе и главного полицмейстера. В день премьеры директор вызвал Матвея к себе в кабинет и, захлёбываясь от восторга, начал рассказывать о своей идее. А придумал он вот что. Когда закончится номер, Матвей должен будет дать букет цветов Потапычу, а тот преподнесёт их полицмейстеру, сидящему в ложе.

На репетициях директор сам сидел в ложе, а Матвей вкладывал в лапу Потапыча букет, слегка подталкивал и направлял его к месту почётного гостя. И вот настал вечер. Номер Матвея заканчивал программу. Наступил самый ответственный момент. Многие артисты, зная о сюрпризе, выглядывали из-за занавеса.

Оркестр исполнил весёлый марш. Матвей вложил в лапу своего любимца огромный букет сирени, и Потапыч, переваливаясь, направился к ложе, в которой сидел полицмейстер со своей семьёй. Выступление Потапыча ему понравилось, и он улыбался.

Директор весь сиял, предвкушая успех своей затеи. Потапыч дошёл на задних лапах до барьера, перелез через него, наклонил голову набок и направился к полицмейстеру, вытянув вперёд лапу с букетом сирени. Когда жена полицмейстера увидела совсем рядом огромного лохматого зверя с могучими когтями на лапах, такими страшными вблизи, она истерически закричала. Нижняя губа полицмейстера затряслась. Судорожно расстегнув кобурку, он в упор несколько раз выстрелил в Потапыча.

От острой боли Потапыч присел, не выпуская цветов из лап, и глухо застонал. Затем с трудом повернул голову в сторону стоявшего на манеже Матвея, покачнулся и упал, уткнувшись носом в букет сирени. Заплакали испуганные дети, с галёрки возмущённо засвистели...

Не помня себя Матвей бросился к Потапычу, опустился на колени, обнял лохматую голову друга и замер. Так, вдвоём, их унесли за кулисы... Всю ночь Матвей не отходил от друга, а утром увёз Потапыча в лес и схоронил под большой сосной.

Рис. Н. Нефёдова

А. БАДАШКИН

Котёнок

*У нас котёнок заболел:
Он целый день не пил, не ел...*

*Весь день больным он проходил,
Не пил, не ел, не ел, не пил...*

*И лишь тогда здоровым стал,
Когда ему поест я дал.*

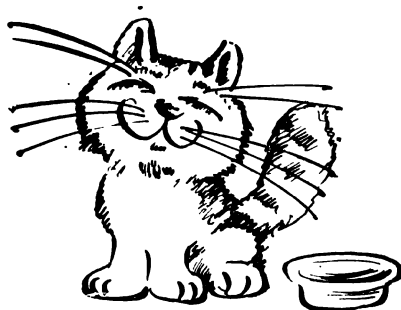

Рис. К. Дмитрикова

Леонид АГЕЕВ

Г Р И Б Ы

Вот грибы собирать — это да!
Это наша работа,

мужская!..

Мировые мы с папой места
за рекою на вырубках знаем!
Белый гриб — хитрый

гриб-боровик!

Маскируется он, как разведчик:
зазеваешься только на миг —
под ногами в траве не заметишь!
Подосиновик — красным зовут.
Ярко шляпкою он пламенеет.
Подходите, сигналим, я — тут!
Забирайте меня поскорее!

Грузди в листьях хоронятся так,
что копать экскаватором надо!
Вот папаша — могучий, как танк,
вот его — мал-мала — грузденята...

А лисички, а моховики!

А маслята, горькушки, волнушки!..

Где ты, солнышко? Ярче свети!

Не ленись, помогай нам получишь!

Эх, люблю я грибы собирать!

Вот они б ещё чистились сами!..

Не пришлось бы тогда «доверять»
это дело сестрёнке и маме...

А ещё я грибы есть люблю!

Никому за себя не доверю...

Ем — хвалю и доем — позваляю!

Мне довязки —

тарелку до верха!..

Рис. Ю. Бочкарёва

ИСПОЛНИЛОСЬ 70 лет со дня рождения замечательного детского писателя Алексея Ивановича Пантелеева (Л. Пантелеева). Более полувека он плодотворно работает в советской литературе. Давно уже стали взрослыми его первые читатели, но книги Пантелеева по-прежнему в строю.

Трудным было детство будущего писателя. Но тяга к знаниям, участие и поддержка хороших людей помогли ему выбрать свой путь. «Если бы не друзья, — друзья-люди и друзья-книги, — я никогда не смог бы стать писателем», — говорит Алексей Иванович. С тех пор рассказы и повести Пантелеева неоднократно издавались и переиздавались, его произведения переведены на множество языков, вышло собрание сочинений писателя.

Сегодня наш рассказ о жизни и творчестве А. И. Пантелеева.

Е. ПУТИЛОВА

Жизнь, посвящённая детям

Алексею Ивановичу Пантелееву было восемнадцать лет, когда вышла его первая повесть «Республика Шкид». М. Горький так отзывался о ней: «Для меня эта книга — праздник, она подтверждает мою веру в человека, самое удивительное, самое великое, что есть на земле нашей».

«Республику Шкид» Пантелеев написал вместе со своим другом Григорием Белых. Оба они к этому времени покинули школу социально-индивидуального воспитания, куда тринадцатилетним паренёком попал как правонарушитель Алексей Еремеев, будущий писатель Л. Пантелеев.

Его раннее детство прошло в обеспеченном доме. Мальчик рано научился читать и всё свободное время отдавал книгам: брат и сестра в шутку называли его «книжным шкафом». Лет с шести он сам начал сочинять стихи, пьесы, рассказы. Закончил приготовительные классы и в 1917 году, накануне революции, поступил учиться в Петроградское реальное училище...

Грянула революция. Молодое Советское государство сражалось с врагами. Не хватало топлива, про-

довольствия. Весной 1918 года, спасаясь от голода, Александра Васильевна Еремеева увезла детей под Ярославль, в деревню. Она была уверена, что уезжают они только на лето и к осени вернуться обратно, в свой город. Но гражданская война надолго разлучила её с детьми. Алёша отправился на поиски матери. Он рассчитывал, что за два-три месяца доберётся до Петрограда. Но путь домой затянулся на несколько лет. За это время мальчик побывал и у белых, и у красных, скитался и бродяжничал. Не раз попадал в детские дома, в колонии, сидел за решёткой.

Был случай, когда ему сильно повезло — об этом он с особенным чувством рассказывает в автобиографической повести «Лёнька Пантелеев». Было это в маленьком городке Мензелинске, неподалёку от Казани. Лютой зимой мальчик остался без крова, на улице, и однажды чуть было не заоченел. Но тут на него обратил внимание какой-то паренёк. Он подхватил замерзавшего мальчика и привёл к дому, над подъездом которого висела вывеска: «Городской комитет РКСМ». Весёлый и симпатичный Юрка, узнав про его приключения, просто и серьёзно предложил: «Вот что, товарищ Лёнька... До Петрограда ты вряд ли сейчас доберёшься. Оставайся у нас — в комсомоле». И Лёнька остался. И даже пробовал учиться, и уже начал делать успехи. Но время было грозное, военное, и однажды Юрка с товарищами ушёл на фронт и не вернул-

ся. Отчаявшийся Лёнька снова, в который раз, двинулся в путь, и опять начались его скитания...

И всё-таки он добрался до Петрограда. И встретился с матерью. Жизнь могла бы наладиться заново. Но... «споткнуться и упасть в яму нетрудно, выкарабкаться из неё гораздо труднее», — писал он в «Лёньке Пантелееве». Алёша получил путёвку в специальную школу, откуда надеялся, как уже бывало не раз, при первой возможности сбежать. Но он не сбежал оттуда, а вышел из этой школы совсем другим человеком...

Как прошли эти годы, что помогло бывшим беспризорникам-воришкам стать «равноправными гражданами большой Республики Советов» — об этом и рассказывают авторы в «Республике Шкид», рассказывают весело, увлечённо. Много хороших страниц посвятили они заведующему школой замечательному педагогу Виктору Николаевичу Сорока-Росинскому (в повести он — президент «Республики Шкид» Викниксор).

Первым редактором повести был С. Маршак, а одним из первых её читателей — М. Горький. Когда Л. Пантелееву передали, что приехавший в Ленинград Максим Горький зовёт его к себе в гости, он попросту испугался встречи с великим писателем. Но всё же пошёл к Горькому. И неожиданно почувствовал себя у Горького легко, свободно и непринуждённо и просидел в гостях больше двух часов.

Таких встреч потом было ещё много. С благодарностью и любовью вспоминая о Горьком, Пантелеев стремился учиться у него главному: «по-горьковски работать, по-горьковски увлечённо, самоотверженно, честно и достойно относиться к литературному делу». Обо всём этом он замечательно написал в рассказе «Рыжее пятно».

Хорошо зная душу попавших в беду ребят, Пантелеев стремится разглядеть и показать, как может и должна перемениться теперь их судьба, как новое время открывает для них путь к совсем иной жиз-

ни, к иному представлению о счастье.

Так случилось с беспризорником и воришкой Петькой Валетом. Поначалу Петька кажется очень довольным своей непутёвой жизнью. Попав за очередную кражу в милицию, Петька неожиданно получает от пьяного соседа по камере золотые часики. С этого момента все его мечты о будущем связаны с этими часиками. Он представляет, как, продав их, купит себе модные брюки клёш, френчик, штиблеты, как одарит деньгами дружок... В приюте он закапывает во дворе свой клад, надеясь при первой возможности, прихватив свою драгоценность, бежать. Но тут, на его беду, в приют привезли дрова, да столько, что завалили весь двор. Ждать, пока можно будет добыть сокровище, пришлось чуть не целый год. Этот год и становится решающим в Петькиной судьбе.

Сначала всё хорошее Петька делает только ради часиков — и лучше всех трудится на субботнике, помогая переносить дрова в сарай, и старостой добросовестно работает. А потом и сам не замечает, как втягивается в ежедневную трудовую жизнь детского дома, начинает охотно учиться, становится совсем другим человеком. И когда наконец часики у него в кармане, удача не радует его, даже огорчает: «За что мне такое несчастье в кармане носить?» Петька отдаёт их настоящему хозяину. Теперь он может чувствовать себя честным человеком, теперь ему уже не нужно никуда бежать. Он может наравне с другими ребятами жить и трудиться, и это становится для него самым большим счастьем.

Многие свои рассказы сам писатель разделил на два больших цикла: «Рассказы о подвиге» и «Рассказы о детях». Герой рассказа «Первый подвиг» одиннадцатилетний паренёк только и думает о подвиге. Единственное, что его огорчает, — это то, что деревенька его от фронта далеко, от полюсов ещё дальше и, значит, никакой возможности совершить подвиг не-

ту. И когда он встречает настоящего героя Великой Отечественной войны, он тут же спрашивает его про своё, главное: «Не скажете ли вы мне... как бы мне... ну, одним словом,— подвиг совершить?» Рассказ военного приводит мальчишку (и его сверстника-читателя) к неожиданному открытию: оказывается, первым, настоящим своим подвигом полковник считает тот день, когда он бросил курить.

Есть среди героев Пантелеева ещё один паренёк, Володька Минаев, прозванный ребятами Индианом Чубатым за то, что он любил приврать. То вдруг придёт и скажет, что к ним в гости приехал из Москвы дядя-генерал. То выдумает, будто отец его нашёл в лесу золотой топор, за который в музее давали десять тысяч, и ещё много чего другого. Делает он это всё потому, что обыкновенная жизнь, обыкновенные дела кажутся ему скучными... Скучно сидеть в школе, где нужно решать какие-то задачки, скучно помогать по дому. Вот сбежать бы куда... А в результате самым замечательным для него становится тот день, когда он возвращается в свою школу, в свой класс, когда понимает, что ничего нет лучше, как быть вместе со своими ребятами.

Давно уже написан рассказ «Честное слово», но по-прежнему он привлекает внимание читателей, о нём спорят, его обсуждают. Старшие ребята приняли малыша в игру, поставили охранять «пороховой склад» (будку в саду). Он дал честное слово, что не уйдёт с поста, пока его не сменят. Потом ребята забыли о нём и разошлись по домам. А он стоял у «склада» до глубокой темноты, и только приказ настоящего военного заставил его покинуть пост, не нарушив честного слова. Рассказчик уверен: мальчик, у которого и сейчас такая сильная воля и такое крепкое слово, «не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей». Именно из него непременно вырастет настоящий человек.

Для Пантелеева самым важным качеством человека является способность выдержать характер при любых обстоятельствах. Сохранить верность, стойкость, честность. А обстоятельства могут быть и самые неожиданные. Так случилось с Лёшей Михайловым, героем рассказа «Главный инженер». Однажды, играя, ребята под его руководством построили «батарею», и построили, видимо, настолько хорошо, что немецкий лётчик принял её за настоящую и разбомбил. После этого Лёша Михайлов, по заданию командования, вместе с товарищами выстроил ещё двенадцать ложных батарей. А в результате одновременно получили награду двое: фашистский лётчик — за удачное уничтожение «военных объектов» и школьник Лёша Михайлов — за их сооружение.

Даже когда писатель ведёт разговор о настоящем подвиге, его герои совершенно не заботятся о том, как выглядит со стороны то, что они делают. Они просто выполняют свою работу. Так, герой повести «Пакет» Петя Трофимов после труднейших испытаний рассказывает обо всём, что с ним произошло, весело, с юмором, посмеиваясь над собой и меньше всего думая о том, сколько мужества, какую верность долгу он проявил!

В годы Великой Отечественной войны тема подвига стала для писателя главной. Сам он пережил многие месяцы ленинградской блокады, делал всё, чтобы приблизить час победы. О мужестве, о судьбах десятков и сотен ленинградцев, просто и честно выполнявших свой долг, Пантелеев рассказал в книгах «В осаждённом городе» и «Январь 1944».

Многие произведения Пантелеева, написанные во время войны, посвящены детям. Из десятков лиц, увиденных им, особенно запечатлелись несколько. Вот девочка, почти подросток. Писатель уже привык видеть её ежедневно: она появлялась всегда в один и тот же момент — в начале воздушной тревоги, всегда чётко и бесстрашно

выполняла свою работу связистки. Разве можно примириться с её смертью?

И в рассказе «Долорес» писатель запечатлел её навсегда — «лёгкую, светловолосую, стройную, маленькую и мужественную, всегда устремлённую вперёд и только вперёд».

Вот другой ленинградец — мальчик Мотыка (герой рассказа «На ялике»), которого уважительно зовут Матвеем Капитонымчем. Он перевозит ленинградцев с одного берега Невы на другой и свою опасную работу выполняет спокойно и деловито. Даже под градом осколков он сохраняет хладнокровие и мужество. Мотыка во всём старается быть похожим на погибшего отца, а ему в свою очередь стремится подражать младшая сестрёнка Манька.

«Всю свою жизнь я писал о детях и для детей...» Эти слова Алексея Ивановича Пантелеева стали девизом всей его творческой работы. С огромным уважением относится он к детству. Но рядом с уважением, естественно, возникает и требовательность. Требовательность пристрастная и конкретная. Всё важно и значительно в поведении растущего человека. Здесь нет мелочей. Важно, очень важно, умеешь ли ты хорошо поздороваться, красиво сидеть за столом, вовремя встать, уступив место взрослому. Важно уметь бережно относиться к каждой птахе, ко всему, что нуждается в нашей защите. Пантелееву далеко не безразлично, умеет ли подросток проявить деликатность, тактичность, не забывает

ли он сказать такие необходимые слова — «пожалуйста, спасибо». Творчество Пантелеева посвящено воспитанию чувств, характера, нравственного облика человека. Неравнодушный, страстный голос писателя звучит в каждой его вещи, будь то весёлые истории «О Белочке и Тamarочке», или сказка «Две лягушки», или рассказ «Трус», или большая книга для взрослых «Наша Маша».

Примерно десять лет назад Пантелеев обратился с вопросом к юным читателям «Пионерской правды»: «Что вы знаете хуже трусости?» Живые, заинтересованные ответы ребят позволили писателю уяснить, как ребята вообще оценивают человеческое поведение, какие качества характера считают главными. Обобщая множество писем в статье «Хуже трусости», писатель заканчивает её таким выводом: «Честность, идейность, принципиальность — вот то главное, что должны мы ценить в человеке. Такой человек не может быть и никогда не будет трусом».

Собираясь писать этот небольшой очерк, я спросила у Алексея Ивановича, что он хочет пожелать читателям «Искорки». Он ответил:

— Расти большими и хорошими.

И голос у него был весёлый, добрый, растроганный.

И мы тоже в свою очередь пожелаем прекрасному писателю Алексею Ивановичу Пантелееву, конечно, здоровья и многих книг, которые принесут, как и всегда, радость его многочисленным и верным читателям.

СОТЫ

С ЧЕГО ВСЁ НАЧАЛОСЬ

Мой приятель работает на железной дороге путевым обходчиком. Он часто писал мне, приглашал приехать в гости, я обещал, но всё что-то мешало это сделать. А когда всё-таки выбрался, приятеля не оказалось дома, он уехал в командировку. Полдня напрасно прождав его и утомившись от этого ожидания, я отправился побродить по лесу. Около часа я шёл наугад, безо всякой дороги, и выбрался к реке. Река была не очень широкой, но быстрой. На противоположном берегу её находилась пасека. Я обрадовался: вот сейчас переберусь через реку, куплю у пасечника мёду и угощу приятеля. Деньги у меня были. Я быстро разделся и без особого труда переплыл реку. Пройдя по берегу метров двести, я увидел шалаш. Из него навстречу мне выбежал лохматый пёс, наверное очень старый и добродушный, потому что бежал он тихо, с ленцой, лаял хрипло, скорее лишь для того, чтобы обратить на себя моё внимание, а не напугать.

— Бобсик, назад! — крикнули из шалаша, и оттуда вылез мальчишка. Он был сухонький и какой-то весь очень светленький, будто выгорел здесь на солнце. Аккуратно

причёсан, рубашка застёгнута на все пуговицы.

Я поздоровался и сказал, что мне нужен пасечник.

— Я пасечник, — ответил мальчишка.

— Ты? И никого взрослых нет?

— А зачем? — с достоинством посмотрел он на меня. — Я и один справлюсь.

Тогда я изложил ему свою просьбу и признался, что у меня нет никакой посуды.

— Тут есть две стеклянные банки, трёхлитровая и литровая. — Мальчишка внимательно осмотрел меня, и, наверно, я ему не показался богатырём. — Вам придётся с банкой плыть, так возьмите лучше литровую.

— Да нет, что ты! — запротестовал я, втайне обидевшись, что он усомнился, смогу ли я переплыть реку. — Эту канавку и перепрыгнуть можно. Давай трёхлитровую.

— Ваше дело, — произнёс он с сомнением.

Он сходил в шалаш, налил и принёс мне банку мёда. К моему удивлению, она оказалась намного тяжелее, чем я предполагал. Но какой мёд! Густой, янтарно-жёлтый, душистый. А когда я лизнул его, то понял, что, действительно, не зря переплывал через реку, будет чем порадовать приятеля.

— Ну, спасибо! — Я крепко пожал мальчишке руку.

— Если понадобится, приходите ещё, — предложил мне мальчишка, выписал квитанцию и попросил расписаться на ней.

Я по горло зашёл в воду и поплыл, подгребая левой рукой, а в правой держа над собой банку с мёдом. Держать её было неудобно, и плыл я медленнее, чем мне хотелось бы. Меня сносило течением.

Я плыл и чувствовал, как, устав, опускается моя правая рука. Вот уже банка доньшком коснулась воды. А до берега было ещё далеко. Я померил глубину и не достал дна. А банка вроде бы делалась всё тяжелее и тяжелее. Тогда я решил поменять руку, перевернулся ли-

цом вверх, энергичнее заработал ногами.

Банка, эта тяжеленная трёхлитровая банка, будто живая рыба, вдруг прыгнула у меня с ладони, раздался всплеск... Я нырнул, но уже было поздно. Я лишь успел заметить, как, мелькнув белым пятном, банка пошла ко дну.

Огорчённый, я вылез на берег. Возвращаться без мёда мне не хотелось, но и признаваться мальчишке в своей неудаче я тоже не хотел. «Скажу, что мёд мне очень понравился, я решил купить ещё и литровую банку»,— подумал я. Обрадованный своей уловкой, я быстро переплыл через реку.

Мальчишка, кажется, сразу же поверил мне. Не было ничего удивительного в том, что человек вернулся купить ещё одну банку мёда. Такой мёд! Он налил мне банку, отёр края её травой.

Я был рад, что он ничего не видел, и, чтобы придать ещё большую правдоподобность моему возвращению, спросил:

— А ещё можно будет прийти?

— Не стоит,— сказал мальчишка.

— Почему же? — удивился я.

— А вода и так стала сладкой, зачем же и эту банку топить?

КОГДА я вернулся к будке, приятеля ещё не было. Я стал обдумывать, как мне быть, если он вообще сегодня не вернётся. И решил, что можно будет немножко подремать на скамейке. Пошёл и сел на неё. Всё это время банку я почему-то носил с собой. И только сейчас заметил, что на край её выплеснулся мёд. Я вытер край пальцем, а палец облизал. Затем уже специально выплеснул ещё каплю и прямо с банки ловко слизнул её.

Потом я подумал, что не произойдёт ничего страшного, если съем ложку мёда. Я нашёл чистую сосновую щепочку и использовал её в качестве ложки. И действительно, ничего страшного не произошло. Но

только мёда в банке значительно поубавилось.

Я вспомнил о приятеле, решил, что будет неудобно, если банка окажется неполной. Но здесь же успокоил себя тем, что приятель не знает, сколько было мёда первоначально.

Я решил, что только выловлю из банки соринки. Вылавливая, я думал о том, что мёд обладает прекрасными вкусовыми качествами, а ещё удивительными целебными свойствами. Так, он помогает вылечивать целый ряд болезней. Я стал вспоминать, нет ли у меня какой-нибудь болезни, которую я сейчас же смог бы вылечить мёдом. Никакой болезни не нашлось, а банка за это время опустела наполовину. Это меня очень удивило. «Нет, с этим надо кончать!»— решил я, поставил банку на скамейку, а сам ушёл в сторону.

Но, странное дело, куда бы я ни направлялся, почему-то снова оказывался возле скамейки. Мёд явно обладал ещё удивительной притягательной силой. Странно, что раньше я этого совсем не замечал...

Тут сила притяжения настолько возросла, что я, не вытерпев, вскочил и помчался к банке с мёдом.

ТРУТНИ

В тот день мой приятель так и не пришёл. Поэтому я ночевал с мальчишкой на пасеке. Спал я в шалаше. А когда проснулся, ярко светило солнце. Над поляной летали и жужжали пчёлы. На ульях возле летков они толкались, теснились,

там происходило невесть что, какая-то настоящая свалка. Я не понимал, в чём дело, пока мальчишка не объяснил. Оказалось, всё очень просто.

Пчёлы живут единой семьёй. Мне всегда казалось, что все они одинаковые, а на самом деле — разные. Есть рабочая пчела, та самая, что летает за взятком, собирает цветочную пыльцу и нектар, который перерабатывается в мёд. А есть ещё пчёлы-трутни. Они редко вылетают из улья и мёд не собирают. Трутни толстые, крупные, вроде бы ожиревшие бездельники. Летом они целыми днями сидят на сотах и своими толстыми телами греют ячейки, в которых выводятся детва. А когда детва вывелась, трутням и делать больше нечего, они только едят мёд. Другие приносят, а они — едят.

И вот тогда-то рабочие пчёлы выгоняют этих бездельников из улья. По два, по три вцепляются в крылья неповоротливого дармоеда и тащат его так. Это-то я и видел на пасеке. Таков извечный простой закон трудовой пчелиной семьи: кто не работает, тот не ест.

«ВЕДЬМЕДЬ»

— А медведи у вас тут в лесах водятся? — спросил я старого пасечника, деда мальчишки, с которым познакомился в тот же день.

— Медведи? — он посмотрел на меня и улыбнулся. — Это вы потому спрашиваете, что верите, будто само название «медведь» произошло из двух слов «мёд ведать», как об

этом в некоторых книжках пишут. Мол, медведь любит мёд, часто разоряет пчелиные ульи, значит, и название отсюда пошло. А на самом деле всё не так. В старину пчелиные пасеки не держали, а собирали мёд в лесу от диких пчёл. Это называлось «бортничество». И от людей, которые занимались этим, даже фамилия такая пошла — Бортниковы. А если бы медведь действительно ведал, где в лесу мёд находится, так он бортникам ничего бы не оставил. А он съедал только то, что ему случайно попадалось. Значит, ничего он не ведал.

— А откуда же тогда такое название пошло? — не соглашался я.

— Правильно-то его называть «ведьмедь». У нас и теперь ещё так некоторые называют. А это потому, что живут они в дремучих чужих лесах. Раньше полагали, что там ведьмы живут. Конечно, ведьму никогда никто и не видел, а вот медведя видели. Спрашивали: «Откуда он пришёл?» — «От ведьмы». — «Чей зверь?» — «Ведьмин» — «ведьмедь». От этого и название такое пошло...

Не знаю, верно ли объяснил мне происхождение этого слова старый пасечник. Но мне оно почему-то очень понравилось. И само слово понравилось — «ведьмедь». В самом деле, не такой же наш мишка грабитель, чтобы только ходить по лесу да ульи ломать.

ЧУЖОЙ КАВАИ

Летом, когда в пчелиной семье появляется много молодежи, в улье становится тесно. И тогда семья делится. Молодая, только что созданная семья остаётся в обжитом улье, а старая отправляется искать новое место. Неопытной молодежи легче начинать свою жизнь там, где уже всё налажено, а опытные старики берут на себя все тяготы по устройству дома заново.

Случилось так, что в один и тот же день, в одно и то же время на пасеке строилось сразу несколько пчелиных семей. Прежде чем отправиться на поиски нового жилья,

пчёлы обычно садятся где-нибудь, этакой живой гудящей папашой повисают на веточке дерева или куста. И сидят так несколько минут. Вот в это-то время и обирает их пасечник. А на этот раз он не успел обобрать всех, и одна семья улетела. Пасечник видел, что пчёлы направились к лесу, он потом много дней искал их, но так и не нашёл.

А на следующий год — дело было уже к осени — ехали лесом на тракторе два дружка, Митька и Жора. Парни они были молодые, развесёлые. Едут, песни поют. Вдруг видят — недалеко от дороги, у старой, поверженной молнией липы, пчёлы кружатся. Внизу из трещины в стволе мёд сочится.

— Митя, смотри-ка! — обрадованно закричал Жора. — Это что такое?

— Да это же клад! — вскочил Митя. — Ого, живём! Чур на двоих!

В стволе липы было дупло. И всё оно было заполнено сотами. Приятели укутались, как могли, пиджаками и направились к дереву. Митя ударил топором по стволу. И тотчас из дупла взметнулся весь пчелиный рой. Пчёлы бросились на неожиданных гостей.

Митя натянул пиджак на голову, но при этом у него задралась на спине рубашка. И пчёлы сразу облепили голое тело.

— О-о-о! — взвыл Митя и ринулся в лесную чащу.

Жора тоже порядком струхнул. Он присел и некоторое время не шевелился. Пчёлы кружились над ним, но его пока не трогали.

— Эх ты, дурачок! — рассмеялся Жора. — Вот как надо было! — Он засунул лезвие топора в щель, надавил. Из щели выпал кусок сотового мёда. — Ага, порядок! — обрадовался Жора. Схватил этот кусок и, не глядя, сунул в рот. И в то же мгновение... Что это? Жора смертельно побледнел и выпучил глаза. На куске сота сидела пчела, которую он не заметил, и она укусила его за язык.

Жора мчался лесом и вопил от боли и, главное, от страха. Он бежал так быстро, что догнал Митю.

— Что, гонятся? — оглядываясь, спросил Митя.

— Нет, хуже!

— А что же может быть ещё хуже?

— Во.— И Жора показал уже начавший опухать язык.

— Ой, а у меня, наверно, сто укусов.

— Я тебе швой один жа вше отдал бы,— отвечал ему Жора. Язык у него стал толстым, как оладья.

БОЙЦЫ

Это произошло зимой. В пчелиный улей забралась мышь. Она прогрызла возле летка дырку и залезла поживиться мёдом. И тотчас вся пчелиная семья бросилась на неё.

Пасечник слышал шум в улье, но не понимал, что там происходит. А весной, когда он открыл его, то увидел, что улей почти пуст. В живых осталось всего несколько пчёл. Тела остальных густо засыпали улей, как павшие воины поле, на котором сражалась рать. В углу лежала подохшая мышь. Чтобы она не разлагалась, пчёлы залепили её воском.

Пасечник выбросил мышь. А затем смёл пчелиные тела в тарелку, съел и зарыл под кустом смородины. Затем он снял кепку. И долго стоял там с непокрытой поникшей головой, сурово задумавшись.

АВГУСТ

*Тихо закат
Догорает неяркий,
Вырвался ветер
Из зарослей
Мятных.
Луг,
Словно выцветший
Бабушкин фартук
В неотстиравшихся
Ягодных пятнах.*

Алла ЗАЦАРИННАЯ, 9-й класс,
г. Симферополь

Рис. Г. Моисеевой

НЕ ПОНЯЛ

Два брата лежали на берегу реки. Одному было пять лет, а другому — десять. Они только что купались, озябли и теперь лежали в густой высокой траве на солнце-пёке, грелись. Пригревшись, старший уснул. И, спящего, его укусила в ухо пчела. Перепуганный, он вскочил и, громко войя, бросился наутёк. Младший бежал за ним, тоже за компанию всхлипывая. А когда отбежали уже довольно далеко и остановились, старший спросил, оглядываясь:

- Кто это? Кто это так меня?
- Пчела, — сказал младший.
- Так чего же ты её не отогнал?
- А я думал, что она тебе мёда принесла.

Я ПРОВЁЛ на пасеке целый день. И только поздним вечером, когда солнце ушло за лес и угомонились пчёлы, притихли в своих ульях, отдыхая после дневных трудов, отправился домой. Я спал в автобусе, сидел возле окна, и отчего-то было мне немного грустно. Всё вспоминалась река с ивнячком на берегу, зелёная лужайка, старый добрый пёс...

И я подумал, что, может быть, пчелиный мёд обладает ещё одним удивительным свойством: попробуешь его хоть раз — и тебя всю жизнь так вот и будет тянуть к цветам, к травам, к деревьям, туда, где шумит листвой молодая ольха, колыхается рожь и тихонько журчит, переливаясь по камушкам, серебристая водица.

Рис. К. Дмитрикова

«ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ...»

«Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу...» Наверное, все вы знаете, чем кончилось это путешествие героев известной английской песенки. Однако что там таз? Вот в городе Дарвине, на севере Австралии, устроили «пивную регату»: все суда были изготовлены из пустых жестяных банок из-под пива. Здесь были и плоты, и спасательные круги, и лодки, и даже парусник! Некоторые «спортсмены» решили проблему ещё проще — они плыли по водохранилищу, толкая перед собой спасательный круг или плотик, сделанный из пивных банок. Главное было — припаять банки так, чтобы были видны все этикетки: это прекрасная реклама фирме.

А житель Чикаго Дон Прайс, например, совершил плавание на... гитаре с девятицилиндровым подвесным двигателем. Он утверждает, что на этой гитаре можно также играть.

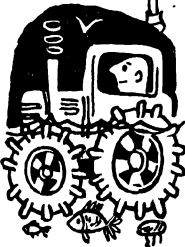
В начале 1978 года журнал «Орбита» сообщил о «Наутилусе» Ганса Бутгерайта. 39-летний житель Астхайма (ФРГ) построил собственную подводную лодку для преодоления Атлантики. На постройку своего «Наутилуса» Бутгерайт, по его утверждению, затратил 7000 часов. Главная особенность лодки заключается в том, что движется она с помощью педального механизма, взятого от обычного велосипеда. Ганс рассчитывает пересечь Атлантический океан примерно за 80 дней.

Па-де-Кале — эта водная полоса между Англией и Францией — подобно магниту притягивает к себе любителей экзотических плавередств. Просто переплыть?! Этим теперь уже никого не удивишь. Поэтому, видимо, в Англии то и дело появляются проекты один другого чуднее: обычная ванна с небольшим моторчиком или огромный воздушный змей и т. п.

Ещё в январе 1829 года в лондонском издании «Патентного вестника» можно было прочесть сообщение некоего Томаса Хэнкока: «Моя фирма приступила к выпуску оригинального приспособления для джентльменов, желающих пересекать самые широкие реки в условиях полного комфорта». Изобретение Хэнкока состояло из надувного резинового комбинезона, соединенного с каучуковым бумом в форме круглого таза. Двигаться можно было с помощью небольших лопаточек-вёсел. Чувствуете: опять тот самый пресловутый таз! Кое-кто из англичан даже пытался достичь на нём близкого континента.

В сущности, для энтузиаста любое средство годится. Так, летом 1963 года житель Корнуолла, молодой психотерапевт Кейт Слокомб, простившись с женой и двумя детьми, отправился якобы на конференцию в Лон-

дон. На самом деле он тайком поехал в Дувр, привязал к маленькой волнорезной доске фляги с водой и фруктовым соком и пустился в плавание. Его никто не видел. Через 9 часов, весь обросший солевой коркой, он достиг французского берега. И снова его никто не заметил.

— Почему же вы никого не предупредили? — интересовались потом журналисты. Слокомб ответил, что... очень боялся собственной жены.

Какие там тазы? Пролив стали пересекать в корытах, в детских ваннах... Банковский служащий Роберт Плэттен из Лондона пересёк пролив на металлической бутылке длиной 4,3 метра. Передвигался он с помощью небольшого подвешного мотора. Всё путешествие продолжалось шесть часов.

Тир Тэрри для своей прогулки через пролив сконструировал деревянный велосипед. Через 20 часов непрерывной работы педалями Тэрри выкатился на пляж во Франции. В свою очередь француз Жан Барзини причалил к британскому берегу на гладильной доске.

В 1965 году семь английских студентов переплыли пролив на... кровати. В 1973 году Тони Элтон с помощью подвешного мотора добрался на кровати до Франции за пять часов.

А можно ли переплыть Па-де-Кале на тракторе? Оказывается, и это возможно. Владелец небольшого тракторного завода Дэвид Тэпп сделал это дважды. Первый раз он совершил рейс на тракторе весом в 3750 килограммов. Над водой едва выглядывала верхняя часть машины. Через восемь часов трактор доставил своего «наездника» на французский берег.

Вторично Тэпп на тракторе «Си Хорс» («Морской конь») английской фирмы «Каунити комершл карс» совершил морское путешествие от побережья Франции к Британским островам. «Морской конь» и его «наездник» благополучно форсировали пролив и через семь с половиной часов оказались на английском берегу близ Дувра. После этого Тэпп прицепил к трактору дисковую борону и обработал поле местного фермера.

Плавучесть трактору придавали наполненные воздухом отсеки корпуса и огромные пневматические колёса. Они были устроены так, что воздух можно было закачать даже в ступицы. Всё это и позволило держаться трактору на плаву. Оснащённые протекторами с высокими выступами, колёса трактора в воде превращались в движители.

Бывает и так. Некий житель Лондона, отнюдь не питавший любви к дальним странствиям, надумал однажды прокатиться на лодке по Темзе. Вскоре ему надоело грести, он положил вёсла и, убаюканный волнами, заснул. Каково же было его удивление, когда, проснувшись, он услышал французскую речь! Оказалось, что, пока он спал, лодка доплыла до берега Франции.

Рис. Н. Нефёдова

ЗООПАРК В... РАЙЦЕНТРЕ

Начало ему положил живой уголок, который завёл автоинспектор Г. И. Полосьмак. Ещё мальчишкой он часто находил птенцов и зверюшек-подранков, забирал их домой, выхаживал, устроил небольшой вольер. Со временем образовался настоящий домашний зверинец, который стал базой для открытия зоологического парка при районном Доме пионеров в райцентре

Мена Черниговской области.

Под руководством Геннадия Ивановича юные натуралисты создали вольеры, загоны, заготовили корма. Зоопарк стал пополняться новыми обитателями. В нём содержится уже 145 видов животных и птиц. Зоологический парк в Мене взят на государственное финансирование. Его директором назначен Г. И. Полосьмак.

ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Очень удивились гидрогеологи, когда в потоке подземной воды, откачиваемой из скважины на полуострове Мангышлак, увидели... живую лягушку. Как же она — жительница болотистых районов — оказалась в земных недрах?

Оказалось, лягушка совершила подземное путешествие длиной не менее 20 километров. Видимо, в одну из трещин в почве она случайно попала в подземный ручей. Оттуда её и засосало в поток откачиваемой через разведочную скважину воды.

МОЗАИКЕ 1500 ЛЕТИ

Археологи при раскопках в Девне (Болгария) обнаружили мозаичную картину площадью 100 квадратных метров. Учёные установили, что она создана в конце III — начале IV века нашей эры.

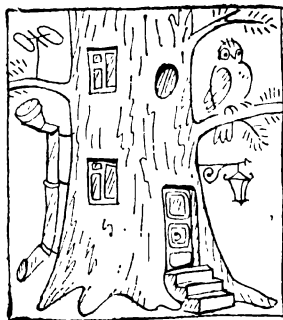
Выполнено это древнее произведение искусства из разноцветных кубиков на мотивы мифологических сюжетов.

ХОЗЯЕВА... МУРАВЬИ

Большой Ушканий остров, расположенный на севере Байкала, получил своё название от старого сибирского слова «ушкан», что значит заяц. Но самая большая его достопримечательность не зайцы, а муравьи.

По плотности населения муравьёв остров не имеет равных в нашей стране. На каждый гектар здесь пасчитывается по 8—10 муравейников, а на всей территории их не менее 6—7 тысяч. Муравейники достигают в высоту 2 метров, а в диаметре — более 3 метров.

Остров находится в 8 километрах от материка. Отсутствие зверей и птиц, питающихся муравьями, является главной причиной роста муравьиных колоний.

...в Дании построен дом... из одного дерева! Это дерево — сосна в лесопарке Южной Ютландии. В высоту она достигала 35 метров, обхват ствола — более 10 метров. При строительстве не было использовано ни одного гвоздя. Двери этого дома всегда открыты для туристов, желающих осмотреть единственную в своём роде постройку.

...ботаниками нашей страны описано около 18 500 видов растений! Более 2500 из них — лекарственные. Для лечебных целей применяется пока 115 растений. Почти 70 из них произрастают в нашей области.

...наша страна — великая морская держава! Берега её омываются водами трёх океанов и четырнадцати морей. Наш морской торговый флот насчитывает 1700 судов и занимает второе место в мире по числу кораблей и шестое — по их тоннажу. Ежегодно суда под красным флагом перевозят более 200 миллионов тонн грузов между 1200 портами 120 стран.

...Эфиопию называют страной тринадцати месяцев! Это объясняется тем, что эфиопский календарь построен на древнеегипетском, расчёты которого соответствовали природным и климатическим изменениям. Египетский год делился на 12 месяцев по 30 дней в каждом. Затем следовал ещё один месяц, состоящий из 5 дней. Последний, тринадцатый месяц называется «пагумен».

...первый в мире почтовый музей был открыт в Берлине в 1872 году! Организовал его простой почтовый служащий Генрих Стефан. Поначалу музей был закрыт для публики, в нём повышали квалификацию почтовые работники. В 1874 году здесь открылась первая почтовая выставка, а вскоре музей распахнул свои двери для всех. Сейчас Музей почты и связи ГДР располагает интереснейшими экспонатами, которые рассказывают о развитии почтового дела с древнейших времён до наших дней. Здесь мы узнаём, например, что первые почтовые марки появились в Англии 6 мая 1840 года, первая почтовая открытка вышла 1 октября 1869 года в Австрии.

...редкий случай произошёл с актюбинским охотником Ворониным! Он убил совершенно чёрного волк-меланиста. Такие экземпляры в нашей стране встречаются очень редко. Волк-меланист отличается интересной биологической особенностью: у него 44 зуба вместо обычных 42.

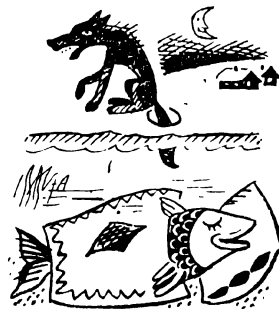
...мексиканская столица постепенно погружается в... землю! Вычислено, что в среднем за год город Мехико опускается на 15 сантиметров. Городские власти заявили: «Если мы за ближайшие 50 лет не остановим это погружение, город разрушится».

...в городе Нанте (Франция) открыт музей Жюль Верна! Он открыт в честь 150-летия со дня рождения великого писателя-фантаста на его родине.

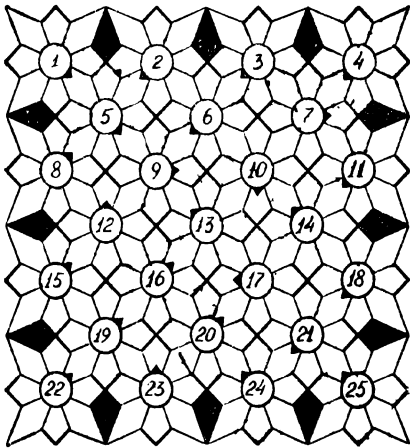
...необычные музыкальные инструменты найдены в пещерных стоянках людей каменного века в Туркмении! Вначале археологи считали, что бусы и браслеты из морских раковин служили человеку как украшения. Но при внимательном изучении находок выяснилось, что эти источники музыкальных звуков. Звучащие бусы и браслеты были широко распространены на территории Западного и Северного Прикаспия.

...на Нерингской косе строится Клайпедский морской музей! На постоянное жительство уже прибыли обитатели далёкой Антарктиды — хохлатые пингины. Подготовлены удобные «квартиры» тюленям, морским львам. Десятки огромных аквариумов примут рыб Балтийского моря и Атлантики.

...выудить карпа или белого амура зимой нельзя! Эти рыбы теплолюбивы. Их жизненные функции — питание, размножение, рост — осуществляются весной и летом при повышенных температурах воды. В холодное время года они залегают в глубоких местах водоёмов и «спят». Ловля их прекращается с наступлением осени.

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Оборонительный доспех из железных колец. 2. Тёплая погода во время зимы, вызывающая таяние снега. 3. Название должностного лица, облечённого правительством особыми полномочиями. 4. Металл. 5. Начальник, руководитель учреждения, завода. 6. Предметы, хранимые как память о прошлом. 7. Механизм, служащий для передачи непрерывного вращательного движения. 8. Организм, питание которого основано на использовании энергии Солнца. 9. Участник боя быков. 10. Сумма длин сторон многоугольника. 11. Вид занимательных задач. 12. Выдающийся испанский живописец. 13. Вид музыкального театра. 14. Информационный жанр журналистики, сообщающий о событии, очевидцем которого является автор. 15. Столица Австралийского Союза. 16. Предприятие связи, осуществляющее приём, передачу и доставку телеграмм. 17. Изделия и материалы, получаемые спеканием глины. 18. Европейское государство. 19. Часть земной поверхности, видимая наблюдателем на открытом месте. 20. Краска, разводимая водой. 21. Спортивная снасть для ловли хищных рыб. 22. Часть руки. 23. Средневековый поэт-певец. 24. Публичная демонстрация достижений в области материальной и духовной деятельности человека. 25. Всадник.

Отдел ведёт Вадим Акенгьев

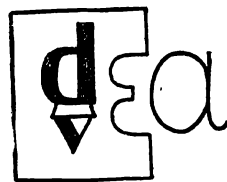

ПЛЕТЁНКА

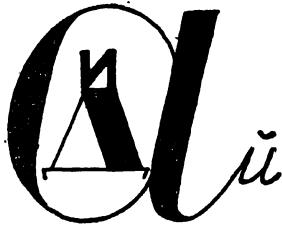

На восьми полосках бумаги была записана пословица. После того, как полоски переплели, часть букв оказалась закрытой. Начинается пословица в верхней горизонтальной полоске (слева направо), а заканчивается на правой вертикальной (сверху вниз). Какая пословица была написана?

МИНИ-РЕБУС

Какое слово, связанное с летом, «спрятано» в этом ребусе?

Название какого металла зашифровано с помощью этого ребуса?

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 7]

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Пика. 2. Пари. 3. Ирак. 4. Икар.
5. Врач. 6. Лаки. 7. Лира. 8. Рита.
9. Тире. 10. Веер. 11. Мала. 12. Лама.
13. Атом. 14. Тело. 15. Леер. 16. Пума.
17. Пама. 18. Камо. 19. Кола.
20. «Реал». 21. Лупа. 22. Пара. 23. Кара.
24. Абак. 25. Баев.

МЕХАНИЗМ

Вал «А» будет вращаться против часовой стрелки.

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

Поло, лото, топор, порча, чабан, банкир, кирка, казус.

Содержание

У костра. Стихотворение Василия Фетисова 1
Как паровоз стал памятником. Очерк Василия Островского 2
Взгляни на небо. Продолжение повести Ильи Дворкина 9
Чистый гол. Рассказ Александра Гиневского 17
Никогда не дремлет сон. Стихотворение Мих. Садовского 21
Вальс. Рассказ Германа Цветкова 22
Зелёный патруль. Музыка В. Запольского на слова В. Шумилина 24
Необыкновенные приключения Емельяна Чалого. Повесть Н. Пугача 26
Найди своё имя. Сказка Вадима Круговова 39
Сова. Стихотворение Н. Егорова 43
Как Миша ко мне пришёл. Очерк В. Чижикова 44
Собиратели вишен. Стихотворение Ионаса Шиожиниса 45
Яблоко дружбы. Рассказ Юрия Калининна 46
Потопыч. Рассказ В. Кузьмина 47
Котёнок. Стихотворение А. Бадашкина 48
Грибы. Стихотворение Леонида Агеева 49
Жизнь, посвящённая детям. Очерк Е. Путиловой 50
Соты. Рассказ Павла Васильева 54
Август. Стихотворение Аллы Запаринной 58
«Три мудреца в одном тазу...» Очерк Д. Эйдельмана 59
Пёстрые заметки 61
Клуб смекалистых ребят 63

На 1-й странице обложки рисунок Л. Коломейцевой «Грибной дождь».

На 2-й странице обложки рисунок Оли Пушкиной (Сланцы) «Автошка».

На 3-й странице обложки рисунок Тани Усовой (Ленинград) «Скалка».

На 4-й странице обложки рисунок П. Иванова «Курс на школу».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО
Редактор-составитель В. В. ГУСАРОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, К. Н. Курбатов, А. М. Млодик,
В. Н. Сулов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 19.06 1978 г. Подписано к печати 9.08 1978 г. 4 п. л.
М-26883. Зак. № 707. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата.
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

